

ИЕРУСАЛИМ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Январь 1926 г. № 9 (1).

Рига, Редакция и контора L. Kaleju iela 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Цена номера 80 сант. (40 руб.)
За границей 20 амер. цент.

Содержание:

О. Далматова — „Въ вихрь“.
Б. Руслановъ — „Тамъ...“
К. Д. Бальмонтъ — „Москва въ Парижъ“.
В. Изорина — „Мужикъ и чортъ“.
М. Осоргинъ — „Милое имя Наташа“.
Ив. Шмелевъ — „Въ ударномъ порядкѣ“ (разсказъ ветеринара).
Проф. Н. И. Мишеевъ — „А. М. Васнецовъ“.
Проф. Н. Бердяевъ — „Идея богочеловѣчества у Вл. Соловьева“ (окончаніе).
Репродукція картинъ А. М. Васнецова, изъ нихъ двѣ въ краскахъ: „Москва при Иванѣ Калитѣ“ и „Сѣверный пейзажъ“.
Дѣтскій уголокъ (Ф. М. Достоевскій — „Мальчикъ у Христа на елкѣ“). Изъ области искусства. Изъ области науки, открытій и изобрѣтеній. Но бѣлау ісвѣту. Русская Книга.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Дамаяская, Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла), А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, Марина Цвѣтская, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Праидѣ (ред. худ. части), Ю. Г. Рыковский и друг. Обложка — работы М. Добужинскаго.

Отъ редакціи.

Отъ предполагавшагося съ 1926 г. дальнѣйшаго увеличенія объема журнала редакция по техническимъ условіямъ временно отказалась, почему и цѣна въ розничной продажѣ номера остается безъ измѣненія (80 сант. — въ Латвіи; 20 амер. центовъ — за границей).

Подписная плата въ Латвіи: На 3 мѣсяца (13 номеровъ) — 10 латъ (500 руб.).
На 1 мѣсяць (4 номера) — 3 лата 20 сант. (160 руб.).

Представительства журнала „Перезвоны“

Австрія — А. Мухинъ — Вѣна I, Petersplatz 9.

Болгарія — Н. Алексѣевъ — Софія, В. Тырново 17.

Германія — Кн. маг. О. Дьяковой.

Польша — Изд. „Добро“ — Warszawa, Gl. poczta. Skrzynka 192.

Турція — Г. Пахаловъ „Культура“ — Константинополь, 385, Grand rue de Pera.

Чехословакія — Кн. маг. „Пламя“ — Praha II, Ječna 32.

Югославія — И. И. Карпенко — Бѣлградъ, Приштинская 52. — Приѣмъ подписки и розничная продажа.

С. А. БЛЕХМАНЪ и С-ья

12. Грѣшная ул. 12.

Верхн. сорочки. Галстуки.
Трикотажное бѣлье.
Носки. Чулки.
Кашнѣ и шелковые шарфы.
Модныя сумочки.

Выставка картинъ
Акад. С. А. Виноградова

Открыта съ 13 с. декабря по
10-е января 1926 г. въ салонѣ
при маг. В. Романовскаго.

Valdemara ielā 17.

Телефонъ 46-70.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету на 1926 годъ

Слово

Издание Акционернаго Общества „САЛАМАНДРА“
Рига, Латвія. Бол. Кузнечная ул. 43. Телефонъ 26-70 и 83-40.

Въ „СЛОВЪ“ участвуютъ:

А. Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, М. Арцыбашевъ, А. Борманъ, поч. акад. Ив. Бунинъ, В. Л. Бурцевъ, Н. Бѣлогорскій, А. Хрипуновъ, проф. И. Ильинъ, П. Красновъ, С. Кречетовъ, А. Ксюнинъ, проф. Карташовъ, А. Купринъ, А. Фонъ-Лампе, Ив. Лукашъ, А. Лясковскій, кн. А. П. Ливень, Б. Неандеръ, К. Парчевскій, проф. А. Пиленко, Б. Зайцевъ, Н. Рыбинскій, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, В. Шульгинъ, Ив. Шмелевъ, А. Тыркова, В. Унковскій, А. Черный и другіе, а также депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и латвійскія общественно-литературныя силы.

Подписная цѣна:

въ Ригѣ — 2 л. 50 с. (125 р.) въ мѣсяцъ
въ провинціи — 2 л. 80 с. (140 р.) „ „
за границей — 70 амер. центовъ „ „

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ

Въ каждомъ номерѣ рассказы, приключенія, путешествія, очерки жизни разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.

===== Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью =====

ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американскаго школьника съ оригинальными иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на $\frac{1}{2}$ г. 5 л.; за границу на годъ 3 дол., $\frac{1}{2}$ г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Эти чаи разчитаны на людей съ тонкимъ вкусомъ, умѣющихъ цѣ- нить все прекрасное.

ЧАЙ,, МАГАРАДЖА“ лучший въ мірѣ цейлонскій чай.

ЧАЙ „ТИН-ХИНГЪ“ лучший въ мірѣ китайскій чай.

ЧАЙ „ТАЙФУНЪ“ первоклассная любитель. смѣсь.

Сѣверо-Вост. Торг. Т-во

И.Л.МейеръиКо.

Братья Поповы

Основ. въ 1788 г.

Рига, бл. Грѣшная ул. 35

Телефоны

Контора — 25-61

Складъ — 43-16

Стальн. отд. — 92-57, 52-92

Желѣзн. отд. — 29-65, 65-28

Варшавскія кровати съ пружин. матрацами фабрики „КонрадъЯрнуш-кевичъ и Ко.“

Аллюминіевыя кухон- ные принадлежности.

Столовые принадлежн. фабрики „Артуръ Круппъ“

Большой выборъ плитъ и чугун. печей.

Всѣ кушаютъ халву греческой фабрики

Бр.

И. и Н. Манкосъ

А Вы?

Каждый кусокъ хал- вы снабженъ клей- момъ нашей фирмы.

Адресъ фабрики:

Рига,

Гоголевская 7-а.

Тел. 65-12.

Pflegt die Zähne mit Pebeco

Зубная паста PEBECO гарантируетъ не только здоровые, бѣлоснѣжные зубы, но и чистое, свѣ- жее дыханіе.

Nehmt Nivea für die Haut

Ежевечернее примѣне- ніе „Nivea-Creme“ и еже- дневное употребленіе мыла „Nivea“ сохранить Вашу кожу отъ шелу- шенія и красноты.

ПРОЗЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 23 1926 9

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

МОСКВА ВЪ ПАРИЖѢ

Иногда во снѣ снятся мнѣ бѣлыя птицы. Такіе сны посѣщаютъ меня рѣдко, и я всегда просыпаюсь счастливый и бодрый послѣ свиданья въ сновидѣніи съ бѣлою птицей. Цѣлый день проходить у меня подъ знакомъ доброй примѣты, все удается — и дѣло, и встрѣчи, и замыслы. Душа цѣлый день въ порядкѣ и внутренней сосредоточенности. Не мечется, не рвется, довольна, знаетъ, вполнѣ убѣждена. Бѣлая птица никогда меня не обманываетъ.

Три дня тому назадъ я проснулся рано утромъ, прислушался къ грохоту парижской улицы, но онъ мнѣ показался уравновѣреннымъ. Я отдернулъ занавѣску — и замеръ въ восторгѣ. Бѣлыя птицы, множество бѣлыхъ птицъ, малыхъ и побольше, весь воздухъ Парижа бѣлый, и сонмы вѣющихъ бѣлыхъ крыльевъ. Уже не во снѣ, а наяву. И наяву снятся сны убѣдительнѣйшіе.

Какъ въ Москвѣ — сто лѣтъ тому назадъ — сто лѣтъ? — меньше и много болѣе, — какъ въ Москвѣ, что была на иной планетѣ нашей жизни, когда Слово не было еще растоптано, а честность и доброта были совсѣмъ неувидимой повседневностью, — крутился тихій снѣжный вихрь, шель снѣгъ, падали снѣжинки, и вились, обнимались, цѣловались, прилетали, улетали, танцевали, вѣяли, падали не падали, таяли въ воздухѣ летучіе хлопья, веселились бѣлыя снѣжинки, и двѣ изъ нихъ таяли, а двадцать двѣ не таяли, затянулись парижскія крыши бѣлыми московскими коврами. Московія, — она вѣдь бѣлая, моя Москва зовется Бѣлокаменной. Отъ храма до храма въ ней бѣлый свѣтъ. Отъ крыши до крыши бѣлый сугробъ. Крыши иногда проваливались. А все-

таки въ душѣ глядящей — отъ такихъ сугробовъ на крышахъ — становилось полетно и легко.

Московія вся въ Москвѣ. А Москва вся въ снѣгу. А въ снѣгѣ не только снѣжинки, а тайны, и клады, и свѣжесть, и радость, и откровенья неожиданностей. Отъ улицы къ улицѣ идетъ и ведетъ бѣлая мятель. Отъ дома до дома сквозь окна, затянутыя бѣлыми узорами, — созидатели радужныхъ видѣній, — переключаются огни и зовутъ: „Приди, у насъ уютно, тебѣ рады. Пожалуйте, милости просимъ“. Отъ мѣсяца къ мѣсяцу бѣлый хороводъ, снѣговое небо, оснѣженная земля, захваченный снѣжинками воздухъ, захваченная вьюгой душа, на полгода въ горностаевой шубкѣ, на пять и на шесть мѣсяцевъ щеки румяныя, въ сердцѣ истома, ждешь не дождешься счастья — придетъ? не придетъ?, — съ холода войдешь въ тепло, озябнешь — согрѣешься, подождешь — подождешь, разогрѣешься, растомиишься — и тянетъ уйти въ морозную ночь. Идешь. Глядишь. Слушаешь собственный шагъ. А мысли — въ уровень со звѣзднымъ небомъ.

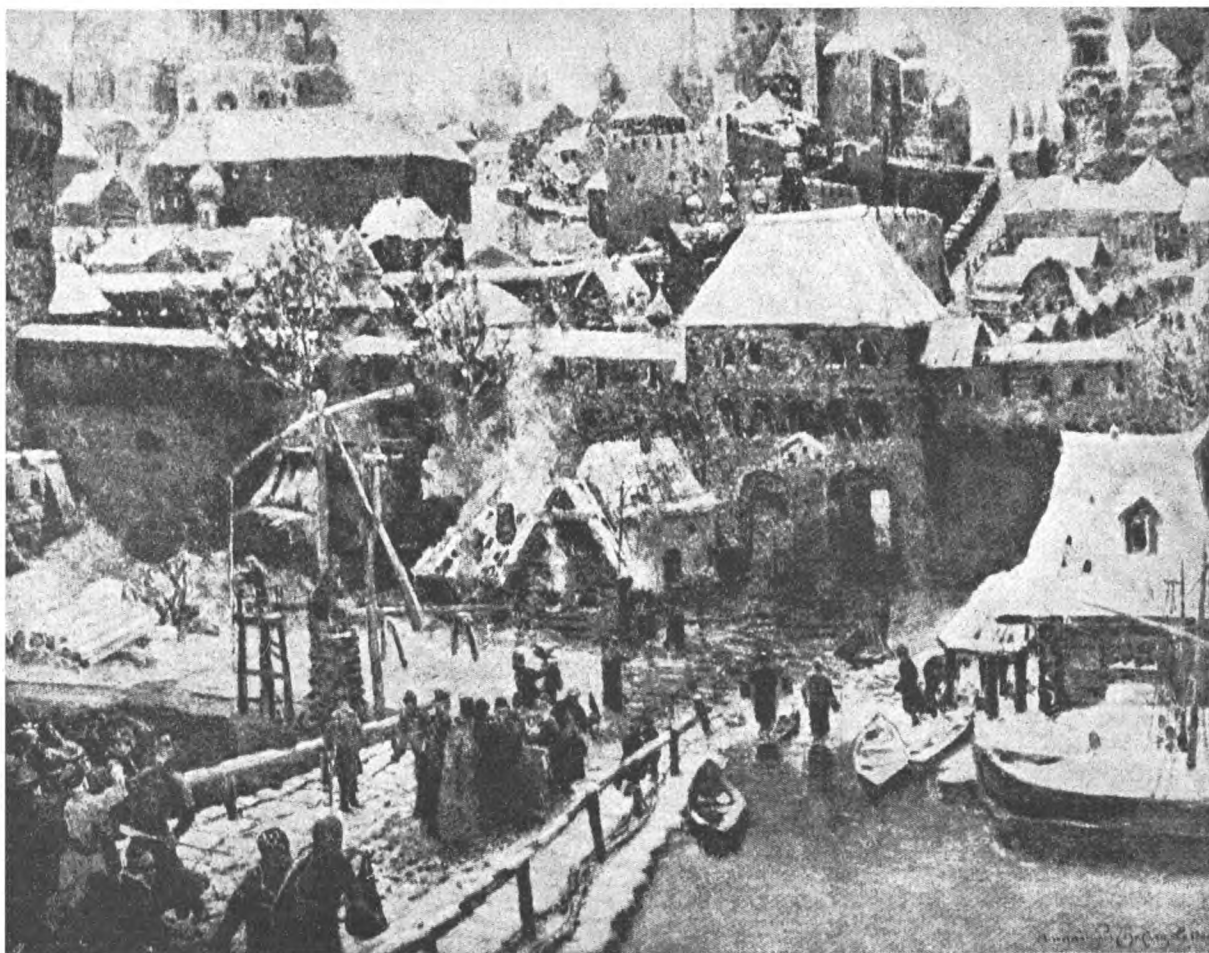
Неужели это было, это было, а не сказка? Неужели душа была въ красотѣ, но красота не овладѣла міромъ, а запуталась въ случайномъ, забилась въ собственныхъ силахъ, порвала ихъ, вырвалась, улетѣла, растаяла, гонись не догонишь, лови не поймаешь, не узнаешь, гдѣ и ловить, куда направить гонь свой. Мчись безъ путей, всѣ дороги путь. Скользкій, тяжелый, невѣдомый, неопредѣлимый, неопредѣленный. Знаешь только одно: Всѣ дороги — путь, приводящій къ мокрой липкости, къ грязи. А если не грязь, значитъ — холодъ покрѣпчалъ.

Морозить. Слава Богу. Хоть вовсе замерзнуть, но только бы безъ грязи.

Веселая прихоть приснившейся бѣлой птицы, которая изъ сновидѣнія перепорхнула въ длительную явь. И летитъ. А летя, заворожила шумъ огромнаго Города и сдѣлала ихъ уравнимерными. Самокаты — чудовища злыя, когда налетаютъ на живыхъ, но что до себя, они осторожные. То-ли они боятся, что отъ московскаго мороза на парижскихъ улицахъ подоло-мягкія шинныя лапы ихъ растрескаются, то-ли имъ жутко отъ возможности раскатиться по остеклѣвшей плоскости и со всего размаха хватиться о столбъ, но неуютныя чудовища уменьшились въ числѣ чрезвычайно, попрятались мерзкія звѣрюги, а если тащатся кое-гдѣ, то съ размѣрной осторожностью. Скорѣе туда, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Въ издавна привычный малый паркъ Мюэттъ, въ колыбель одинокихъ мечтаній, въ Молчальницу. И въ ставшій тихимъ, и ставшій звонкимъ, и ставшій бѣлымъ, Булонскій лѣсъ.

Ну и городъ, ну и людишки. Городъ по-московски побѣлѣлъ, сталъ весь красивымъ, спряталъ свой всегдашній сѣрый цвѣтъ подъ благороднѣйшимъ, подъ цвѣтомъ бѣлыхъ розъ и видѣній, мгновенной игрою раскинулъ вездѣ, разбросалъ снѣжныя кусты и вишневые сады

въ цвѣту, а людишки всѣ попрятались. Въдѣ легкой только холодокъ. Морозить немножко, но назвать это московскимъ морозомъ можно намъ только изъ нашей страсти къ воспоминаніямъ. Все же я очень благодаренъ здѣшнимъ людямъ, что они своимъ отсутствіемъ дали мнѣ возможность чувствовать и думать, что Булонскій лѣсъ — хорошій Русскій садъ, завороженный начинающейся зимой, остуженный и оснѣженный, совсѣмъ опустѣвшій, грудъ дышетъ свободно, зоркій глазъ упивается мастерствомъ и размахнувшейся по-особенному творческой кистью Природы, живописующей красивую прихоть нагроможденія бѣлаго на бѣломъ, — и вотъ предо мною нѣчто не трехъ измѣреній, а четырехъ. Изъ четвертаго измѣренія, изъ времени вливагоса въ пространство, изъ прошлаго времени Россіи въ здѣшнемъ и нездѣшнемъ Русскомъ саду, я вижу большой овальный прудъ, озеро, легкий, но уже и не шуточный на немъ ледокъ, все пространство воды затянута льдомъ, только у берега, куда я подошелъ, колотя озябшую руку о руку, что-то вродѣ довольно большой полыни, и десять бѣлыхъ лебедей изъ боярскихъ временъ и дней зябнуть въ водѣ, похлипываютъ тихонько, не знаютъ, куда дѣться, кончилось лѣто, неуютно въ водѣ, студенѣо да и пищи

А. М. Васнецовъ

Москва XVII столѣтія. Москворѣцкій мостъ и Водяныя Ворота

А. М. Васнецовъ

„Кама“

маловато. Но красивы эти десять бѣлыхъ лебедей. На холодъ-ли они жалуются тихонько или имъ оттого такъ неловко, что ихъ не двѣнадцать? Вѣрно, ихъ было ровно двѣнадцать да улетѣлъ одинъ, а за нимъ другой. Не досмотрѣли дозорные. Крылья подросли. Нѣтъ двухъ самыхъ красивыхъ лебедей, перваго и второго, они не одиннадцатый и двѣнадцатый.

Смѣющіяся пришли двѣ дѣвушки. Изъ времени онѣ или изъ пространства, не вѣдаю, но смѣются такъ по-настоящему. Мужчины всѣ попрятались кто куда. А дѣвушки не боятся ни внезапной зимы, ни ночного часа, ни садоваго затишья, ни лѣсного безлюдья. Онѣ издали почувствовали, что скучно бѣлымъ лебедямъ, холодно и голодно. Подошли, посмѣялись, другъ другу подталкиваютъ, одна у другой бѣлый хлѣбъ вырываетъ, изъ рукъ, щиплютъ его, крошатъ, бросаютъ куски и крошки въ остывшую воду, — сразу лебедямъ и тепло стало и весело. Другъ друга отгоняютъ, каждому хочется поближе быть къ дѣвушкѣ, которая, смѣясь, протянетъ руку и поманетъ.

Но въ бѣломъ снѣ наяду дѣвушки мнѣ не нужны. Я тихонько отпрянулъ въ ночь, лишь взглянувъ на ихъ очарованіе. Я хочу бѣлой тишины, мнѣ нужно сейчасъ отъединеніе въ бѣломъ. Ступая настолько безшумно, какъ только это возможно, я огибаю выгибъ озера-пруда и перехожу на противоположный берегъ. Я тотчасъ же охваченъ тамъ восхищеннымъ изумленіемъ. Отойдя отъ воды и прижимаясь другъ къ другу, тамъ стоятъ на заиндевелѣвшей, на запорошенной снѣгомъ лужайкѣ два черные лебедя. Не тѣ улетѣвшіе, эти изъ другого края. Все въ нихъ свое, и все въ нихъ по

сравненію съ бѣлыми иное. Они легче, стройнѣе, ихъ черныя крылья — черное кружево, шея у четкаго, чернаго лебедя тоньше, длиннѣе и вовсе змѣиная. Но и они тоже тоскуютъ. Имъ холодно. О забытомъ-ли дальнемъ Южномъ островѣ своемъ они тоскуютъ? О навѣкъ потерянномъ родномъ? Они прижались одинъ къ другому, и я осторожно протягиваю свою руку, я касаюсь гибкой спины чернаго лебедя, я тихонько ласкаю ее, а черный лебедь вскинулъ въ бѣлесоватый воздухъ зимней ночи свой алый клювъ, и въ ночной этой мглѣ алѣющій, и кликнулъ чуть-чуть. А другой въ отвѣтъ чуть-чуть, еще тише и какъ будто отдаленнѣе. Станный дрогнувшій звукъ, задрожавшій въ моемъ Русскомъ сердцѣ. Точно гдѣ-то за дальнимъ холмомъ раздался отзвукъ гармоники. Точно зимній колдунъ, въ часъ тоскованія, желѣзными своими перстами — желѣзо овоздушенное — ударилъ въ нѣкоей подземности по бронзовымъ струнамъ — бронза легчайшая — и снова тишь, и тишина сама себя слушаетъ.

Чуть-чуть касаясь рукою стройнаго, чернаго лебедя, я на мгновенье закрываю свои глаза. Ослѣпшее тѣло — прозрѣвшая душа. Я въ одно мгновенье, весь вздрогнувъ, вижу безмѣрный городъ изъ бѣлаго камня. Москва. И слитнымъ кликомъ безъизмѣрнымъ, привѣтствуя радость восполненнаго чуда, торжествуя возрожденіе того, что умереть не можетъ, отъ храма къ храму несосчитанно гудятъ мои безсмертные колокола, только имъ дарованными звонными перезвонами.

К. Д. Бальмонтъ

Парижъ. 1925
16 декабря

А. М. ВАСНЕЦОВЪ

I

Въ реформахъ Петра Великаго была и очень больная сторона. Онъ оторвалъ русскій народъ отъ его прошлаго. Своей могучей волей этотъ человѣкъ напялилъ на русскаго человѣка „нѣмецкій кафтанъ“ и приказалъ быть европейцемъ. Сначала упирались, а потомъ... махнули рукой и рѣшили сдѣлаться европейцами. Очень скоро завелась и будирующая интеллигенція, что пришлось на царствованіе Екатерины II. Еще скорѣе прежніе „боляре“ начали походить на европейскую аристократію. Милліонная масса народа была, въ сущности, предоставлена самой себѣ. Старина, въ лицѣ старообрядцевъ, ушла въ подполье. Вообще же старина была предметомъ пренебрегаемымъ и недостойнымъ европеизированнаго русскаго. За этотъ періодъ времени многое-многое изъ этой старины исчезло съ лица земли русской. А, главное, исчезла любовь, вкусъ къ самой старинѣ. О ней не думали, памятниковъ ея не поддерживали, въ школахъ о ней не учили, и росла, поэтому, наша молодежь безъ національнаго чувства, ибо послѣднее необходимо должно питаться стариной. Скажите, пожалуйста, развѣ въ русскихъ гимназіяхъ, вплоть до революціи, была рѣчь о русской старинѣ? Вамъ говорили о ней? Показывали ее? Ничего подобнаго! Единичныя попытки были, но, развѣ онѣ могутъ идти въ счетъ? Конечно, здѣсь и надо видѣть одну изъ причинъ пресловутой интеллигентной безпочвенности, такъ „самоопредѣлившейся“ въ періодъ революціонныхъ дней. Не избыта, впрочемъ, она и теперь, какъ на родинѣ, такъ и за рубежомъ. Национальное чувство, правда, сейчасъ пробуждено, но нѣтъ у него, я сказалъ бы, горизонтовъ. Оно и глубоко, однако, безъ широты, которая дается знаніемъ и любовью къ прошлому. „Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ“. Мы этого не дѣлали. Мы, главнымъ образомъ, воевали съ „отцами“. Драма „отцы и дѣти“ — специфически русская. Но, вѣдь за „отцами“ стоятъ „дѣды“, „прадѣды“, стоятъ ихъ дѣла и

вещи. Мы во всемъ этомъ постарались увидѣть „ретроградство“, „квасной патріотизмъ“. Теперь расплачиваемся за такое отношеніе...

II

Спасаетъ отчасти наше положеніе искусство. Наука, сдѣлавшая за послѣднее время для русской старины очень много, какъ-то замкнулась въ своемъ знаніи, которое такъ и не дошло до широкихъ круговъ общества. Средняя, на примѣръ, школа была совершенно незнакома съ достижениями въ этой области. Да и въ высшей — русская старина интересовала только „спецовъ“. Искусство же обратилось ко всѣмъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь надо отмѣтить единичныя явленія, какъ въ поэзіи, такъ и — въ искусствахъ — изобразительныхъ. Пушкинъ, Алексѣй и Левъ Толстые, Островскій, Лѣсковъ, Печерскій — вотъ, въ сущности, и все въ поэзіи. О, это — титаны, но, развѣ вы не помните, что въ школахъ „старину“ этихъ писателей изучали „между прочимъ“? Какъ поэтическое произведеніе... Не задумывались даже надъ нею! Скользили...

Въ искусствѣ далъ нѣсколько образовъ старины Антокольскій, Суриковъ, Ге, отчасти К. Маковскій. Очень и очень много поработалъ въ этомъ направленіи В. Васнецовъ. Съ него, собственно говоря, и началось любованіе русской стариной, а потомъ и подлинная любовь къ ней. Она вдругъ громко заговорила о себѣ въ музыкѣ, на сценѣ — въ декорацияхъ Коровина, Билибина, Стеллецкаго. Къ несчастью, революція подрѣзала крылья у этой любви. Но будемъ надѣяться, что рана зарастетъ, несчастье нашей родины только заостритъ проснувшееся національное чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ любовь къ памятникамъ нашего прошлаго.

Тѣмъ болѣе мы цѣнимъ художника, въ поискахъ своей дороги, вдругъ увидѣвшаго „жизнь прадѣдовъ“, которымъ онъ обязанъ всѣмъ и прежде всего самою жизнью. Увидѣлъ, полюбилъ и постарался изобразить. Это Аполли-

А. М. Васнецовъ

А. М. Васнецовъ

„На Крестѣ въ Китай-Городѣ“

нарий Михайловичъ Васнецовъ, родной братъ Виктора Михайловича Васнецова.

А. Васнецовъ (род. въ 1856 г.) началъ съ пейзажной живописи, выставляясь у передвижниковъ. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе и на выставкахъ „Міра Искусства“.

Въ области живописи пейзажа А. Васнецовъ далъ немного своеобразнаго и оригинальнаго. Часто мы видимъ въ ней слѣды вліянія другихъ художниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Однако, многіе пейзажи его положительно хороши. Это не мертвая природа, но одушевленная. Она полна настроенія и опредѣленнаго содержанія, съ которымъ связывается у васъ цѣлый рядъ представлений. „На сѣверѣ“, гдѣ рѣка, извиваясь, уходитъ въ даль, огибая правый берегъ, васъ захватываетъ угрюмая тишина, серьезность сѣвера, ширь необитаемыхъ пространствъ его. Художнику удалось передать „монументальность“ этого сѣвера, что сквозитъ даже въ небольшой репродукціи чернымъ. „Кама“, по характеру, близка предыдущей картинѣ. Холодомъ и величавостью дышетъ рѣка. Темноватое сумеречное небо обнимаетъ ее. Воздухъ струится надъ ея водами. Это Русь. Природа не нѣжится подъ лучами солнца, но она сильна, стихійна по своему размаху. „Элегія“ неожиданно вводитъ васъ въ рядъ другихъ впечатлѣній и настроеній. Горы. Озеро. Темные кипарисы. Мраморный бѣлый храмъ. Фигура человѣка погруженнаго въ свои думы. Югъ, но не солнечный. Небо темно. Порывъ вѣтра гнетъ вершины кипарисовъ. Картина музыкальна. Настроеніе, разлитое въ ней, звучитъ опредѣленной мелодіей,

которую вы, однако, слышите, только сильнѣе, и... у Беклина. „Лѣто“ и „Утро“ съ его туманомъ, оставляющимъ землю, снова вызываютъ ощущенія русской природы, особенно вторая картина. Хороши дали, воздухъ и въ „Сѣверномъ пейзажѣ“. (цвѣтн. репродукція). Какимъ-то спокойнымъ, недѣланнымъ равнодушіемъ природы къ человѣку, который ей не нуженъ, безъ котораго она можетъ и даже хочетъ обойтись, дышетъ эта картина, одинъ изъ лучшихъ пейзажей А. Васнецова.

III

Баронъ Мейрбергъ, посолъ священной римской имперіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, оставившій описаніе Москвы, такъ говоритъ о ней. „При каждомъ домѣ имѣются просторные дворы, сады, огороды, а посреди города есть пастбища и луга. Множество церквей и часовенъ. Все, что служитъ къ жизни для удовлетворенія насущныхъ нуждъ, удобствъ и даже роскоши, находится здѣсь въ такомъ изобиліи, стоить такъ дешево въ Москвѣ, что она, въ этомъ отношеніи, равняется со всѣми краями земли, славящимися благораствореннымъ климатомъ, богатствомъ произведеній, трудолюбіемъ и промышленностью своего народа“.

Забѣлинь, такъ возлюбившій все старое русское, пишетъ, что Москва была городомъ, подѣзжая къ которому, благочестивые нѣмцы говорили, что предъ ними Іерусалимъ, а въѣхавъ на его улицы, убѣждались, что это скорѣй Вифлеемъ или проще сказать — громадная деревня со всѣми качествами велико-русской

деревни: тысяча дворовъ состояли изъ крестьянскихъ избъ, повсюду немощенные переулки, и только большія улицы назывались мостовыми, такъ какъ были покрыты деревянными „мостками“ изъ бревенъ, перекрытыхъ досками лишь на „царскихъ путяхъ“. Среди такой деревенской простоты златоглавый каменный Кремль выдѣлялся въ особенной красотѣ.

Картины А. Васнецова, гдѣ онъ живописуетъ старую Москву, отдають, собственно говоря, свое исключительное вниманіе Кремлю. „Москва при Иванѣ Калитѣ“ (цвѣтн. репрод.), „Кремль при Іоаннѣ III“, „Москва XVII ст. — Москворѣцкій мостъ и Водяныя ворота“, „На разсвѣтѣ у Воскресенскихъ воротъ“, „Книжныя лавки на Спасскомъ мосту“. Вездѣ доминируетъ Кремль, начиная съ деревяннаго и кончая почти теперешнимъ его видомъ. Москвѣ же посвящено произведение „На крестцѣ въ Китай-Городѣ“. Въ „Старорусскомъ городѣ“ и „Медвѣдчикахъ“ мы видимъ просто старину.

На всѣхъ этихъ вещахъ древняя культура въ ея старо-русскомъ преполненіи сразу захватываетъ васъ. Всматриваясь въ нее, въ точно воспроизведенныя ея детали, вы видите, что изображаемое есть дѣло и знанія, своеобразная, такъ сказать, специальность художника. Однако, не только одного знанія. Само по себѣ оно играетъ въ художественномъ произведеніи далеко не первое мѣсто. Возстановленіе старины и притомъ не мертвой, а живой, что мы и видимъ на картинахъ А. Васнецова, обязано не знанію, а глубинѣ внутреннаго чувства, инстинкта художника. Тамъ, главнымъ образомъ, онъ ищетъ нужныхъ указаній, ибо тамъ именно и зарождается у него настроеніе, вызывающее образы старины и вообще старо-русской жизни. И поэтому произведенія А. Васнецова насъ убѣждаютъ лучше всякаго трактата. Они отвѣчаютъ художественной правдѣ, чувство которой въ большей или меньшей степени есть у каждого человѣка.

Конечно, такова была Москва при Калитѣ, собиратель Руси, начинатель славы россійской, какъ показываетъ ее нашъ художникъ. Вся деревянная еще, строящаяся, но какая-то увѣренная въ себѣ, крѣпкая своимъ жильемъ. А вотъ при Іоаннѣ III, „преемникъ византійскихъ императоровъ“, она вдругъ обстроилась.

А. М. Васнецовъ

„На Сѣверѣ“

Руси“ жить „за деревомъ“. И выросъ каменный Кремль, „мѣсто царевъ“. А затѣмъ уже эта Москва, „третій Римъ“, начала „разворачиваться“ до обилія, о которомъ упоминалъ Мейербергъ. Шумитъ, живетъ народъ, спокойный, сытый; спокойно и жить, защищаемому златоверхимъ Кремлемъ, согрѣваемому зимою въ тепло-натопленныхъ „хоромахъ“, которыя тамъ прочно „сидятъ“ на землѣ, — и этимъ вы невольно заражаетесь на картинахъ, какъ „Москворѣцкій мостъ“, „На крестцѣ въ Китай-Городѣ“, „На Разсвѣтѣ“. Художникъ силою своего таланта перенесъ васъ въ древнюю, до-петровскую Русь и, хотя вы о ней имѣли до сихъ поръ слабое представленіе, но вдругъ почувствовали, что такой она и была.

Прекрасно удался А. Васнецову „Старорусскій городъ“. Хороша здѣсь живопись. Сохранена четкость рисунка и удивительно передано настроеніе давнихъ временъ. Стоящій нерушимо городъ, выставившій впередъ свои солидныя стѣны... Звонница, говорящая о томъ, что въ каждую минуту можетъ раздаться набатъ... Дымится „за крѣпкими стѣнами“, — значитъ, тамъ живутъ. Кругомъ снѣгъ, улегшійся на хорошихъ полгода... Все это вамъ близко, родственно и въ тоже время вызываетъ смутныя воспоминанія о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“, о „преданьяхъ старины глубокой“.

Мила картинка „Медвѣдчики“. Идутъ „веселые люди“, „скоморохи“. Городъ „спитъ“, прикрытый снѣжнымъ покровомъ. Трубятъ скоморохи. Соберутся на потѣху „люди посадскіе“. Насмѣются! Вы это видите...

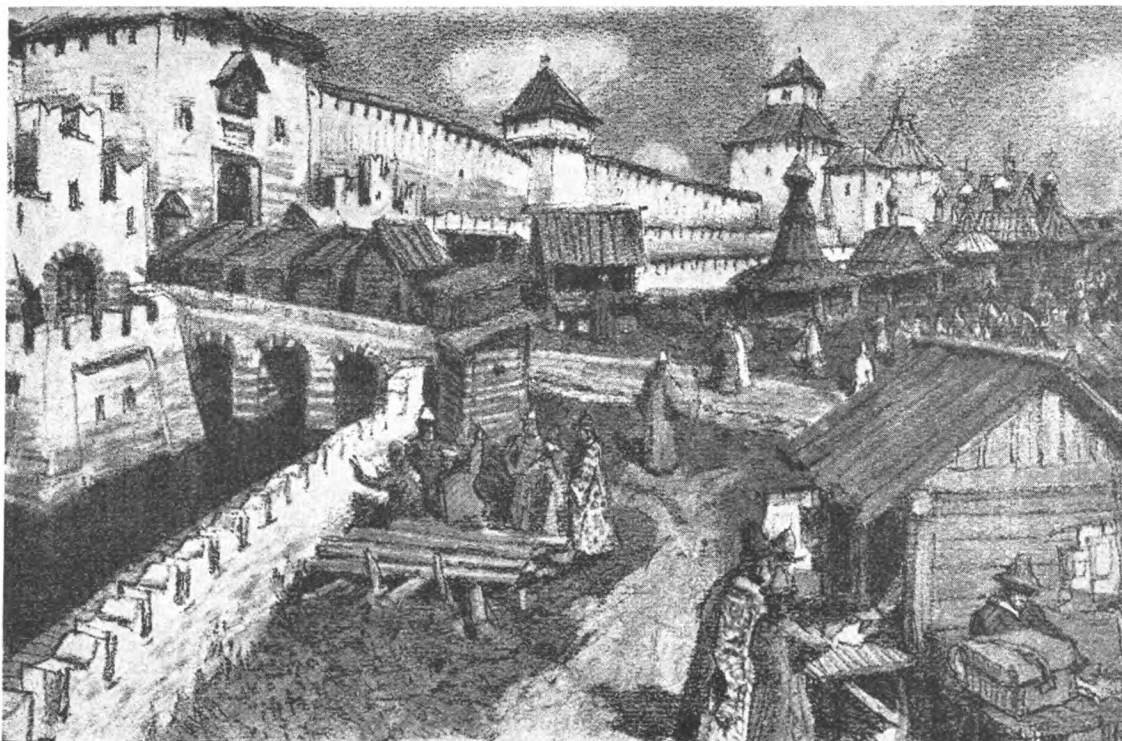
А. Васнецовъ ступилъ на путь „культы старины“ въ 1897 г., открывъ новое и интересное содержаніе для русскаго искусства. Памятенъ успѣхъ, которымъ сопровождалось появленіе

на выставкахъ его работъ. Значитъ, онѣ нашли откликъ въ обществѣ. Меня лично очень интересуетъ вопросъ: въ зарубежныхъ школахъ, при изученіи родной литературы, исторіи, съ такимъ же „вниманіемъ“ относятся къ старинѣ русской, какъ и въ дореволюціонное время? Существуетъ-ли — на примѣръ, въ этихъ школахъ предметъ „исторія русскаго искусства?“ Въ Соѣтской Россіи, конечно, ничего этого

„Не пригоже-де царю всеа

го нѣтъ? А за рубежомъ?..

Н. И. Мишеевъ

А. М. Васнецовъ

„Книжныя лавочки на Спасскомъ мосту“

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

ВЪ УДАРНОМЪ ПОРЯДКЪ

(Разсказъ ветеринара)

I

Въ часъ ночи, помню, телефонъ ударилъ. Самъ товарищъ Шилль, изъ исполкома: въ совхозѣ „Либкнехтово“ заболѣлъ внезапно „Ильчикъ!“

— „Порученіе въ ударномъ порядкѣ!.. Съ первымъ же поѣздомъ, или возьмите экстренно паровозъ... „Ильчикъ“ долженъ быть выздоровленъ!“ — кричалъ мнѣ Шилль. Жирно стучало въ трубки. — „Ну да... даже въ газетахъ было, что это нашъ даръ... ну да! Англичанамъ... залогъ торговыхъ сношеній! Если сдохнетъ, всѣ раскричатъ, что это... ну да! Примите мѣры въ ударномъ порядкѣ! Возлагаю на васъ отвѣтственность!“

Скажите — анекдотъ? Нѣтъ, этого жеребеночка я зналъ прекрасно. Въ ту пору пороли „лошадиную горячку“, собирали осколки бывшего конского богатства, искали „Крѣпышей“ и „Холстомѣровъ“, — увы, погибшихъ. Вѣдомства наперебой сбивали свои конюшни, для подработки. На бѣгахъ, понятно. Даже наркомпросъ тянулся. Ну, и мы, конечно, совхозы наши. Шилль горѣлъ азартомъ, задѣлался такимъ спортсменомъ, — игралъ въ тотализаторъ. Трубилъ губами даже — „эй-да, тройка! снѣгъ пушистый!..“ И всѣ сбились. Была у насъ кобыла, полукровка изъ орлов-

цевъ, „Забота“, — откуда-то стянули. „Ковылемъ“ ее покрыли. По аттестату — сынъ „Крѣпыша“, но я-то видѣлъ, что „Крѣпышомъ“ тутъ и не пахло. Выгодно, понятно: смѣта — паекъ на воспитаніе, доходы. Появился „Ильчикъ“. Съ маткой его отправили въ совхозъ, на травку. Делегация какая-то, случилась, изъ Англіи. Повезли въ совхозы, расхвастались: смотрите, рысаковъ готовимъ... „Холстомѣры“ будутъ! Изъ делегатовъ лошадинокъ оказался, похвалилъ: нельзя ли, дескать... намъ „орловца“? дружбу закрѣпить между великими народами... „Ильчика“ въ подарокъ, въ обмѣнъ на іоркшировъ. Выпили и подписали, что сосунокъ останется до году съ маткой. И вдругъ — такая телеграмма: „Ильчикъ“ заболѣлъ внезапно!“

Подъ утро — агрономъ ко мнѣ, старикъ. Блѣдный, дрожитъ:

— „Михалъ Ивановичъ, родной... не подведите! Шуринъ у меня въ „Либкнехтовѣ“, помощникъ... попадетъ подъ судъ, если подохнетъ „Ильчикъ“. Братъ его разстрѣлянь, корнетъ... пойдутъ анкеты. И еще тамъ одинъ знакомый, бѣженецъ, маленькій помѣщикъ зацѣпился, въ приказчикахъ. Шумъ пойдетъ, наѣдутъ... Оберните какъ-нибудь, родной!“

Чудотворца надо! Когда — „внезапно за-

болѣлъ"... — готовься. Ну, мнѣ-то не впервой, прошелъ всѣ фронты. И „билетъ“ имѣю,— примочку. Понятно, связи спиртовые. Ветеринаръ всегда съ „примочкой“, — компрессы, растиранья! Руку набилъ въ манерахъ съ ними, и потомъ, фигура у меня такая, валкая, и голосъ... Очень помогаетъ. Пивали съ N., а это — марка!

Ладно. Собралъ свой чемоданъ походный, буйволовою кожи, спиртику, понятно, въ дозѣ, для примочекъ всякихъ... получилъ мандатъ всемѣрный, ударный. Шилъ благословилъ въ дорогу:

— „Помните одно: дипломатическія осложненія возникнуть могутъ! англичане слишкомъ упрямы, обидчивы... связались съ ними!..“

Взялъ паровозъ — айда!

На станціи меня уже ждала разбитая пролетка, парой. Кучерокъ потертый, старичокъ, остатокъ чей-то. Но каково же было удивленіе! Знакомый оказался, Левонъ Матвѣичъ, изъ „Манина“! Этого не ожидалъ никакъ. Совхозъ „Либкнехтово“ — то оказался совсѣмъ родной, „Манино“ такъ окрестили, бывшее гнѣздо близкихъ мнѣ старичковъ, которыхъ я считалъ умершими! Всѣ эти годы мытарили меня по фронтамъ, по эпидеміямъ. Вернулся — въ сыпнякъ свалился. Дѣла, метанья, все изъ головы пропало. А еще въ 18 году писали мнѣ, что Василій Поликарпычъ Печкинъ скончался отъ удара, а Марья Тимофевна уѣхала куда-то. Ну, подумалъ, мужички прогнали? Внуки у нихъ пропали, зналъ я это: одинъ у Колчака, другого гдѣ-то разстрѣляли. Оба были офицеры, изъ реалистовъ. Сынъ Печкина, уже въ годахъ, крупный колоніальщикъ, отъ тифа померъ, въ казематѣ. Все развалилось... А въ „Манино“ все собирался, — отъ попа узнаю! И вдругъ... —

— „Батюшка, Михаилъ Ивановичъ... живы?! А у насъ-то говорили, солдатишка воротился ихній... разстрѣляли, говоритъ, его за спиртъ! Самъ видѣлъ!“

Здорово сдалъ старикъ, лысина одна осталась, да зубъ торчкомъ, со свистомъ. Заплата на заплатѣ, босикомъ, веревкой подпоясанъ. А бывало, — въ малиновой рубахѣ, шелковой, въ синей безрукавкѣ, сухенькій такой, субтильный, борода подстрижена въ пакетикъ, на головкѣ бархатная шапочка, въ перышкахъ павлиньихъ, синій кушачокъ съ серебромъ, и ручки, — стальные кулачки. Бываютъ ямщики такіе, ярославцы, что ли, особой крови, — полукровки, что ли. Половые тоже.

Заплакалъ даже, какъ увидаль меня. И все въ—оглядку, шопоткомъ все,—запугали, видно. Нервные они — такіе.

А вѣрно, было: судили меня за спиртъ, за спаиванье комсостава, да командармъ вступился: пивалъ и съ нимъ я. Ветеринаръ! ну — сами понимаютъ, при лошадахъ! Телеграфъ расейскій тутъ не совралъ. Почти.

И чудеса, опять: старики-то живы оказались! Вѣрно, былъ съ Васильемъ Поликарпычемъ ударъ, и Марья Тимофевна съ полгода

гдѣ-то пропадала: разыскивала внуковъ. Золото возила — не нашла. И золото захала въ чьи-то хайла: не открылись хайла.

До „Манина“ верстъ десять было. Много мнѣ старикъ повѣдалъ — выплакалъ, зубомъ свисталъ, слезами досказалъ. Василій Поликарповичъ въ параличѣ, живутъ на скотномъ, выгнали изъ дома. За главного — товарищъ Ситикъ...

— „Ситикъ! Не Ситникъ... а, сказываетъ.. грузинскій молдованъ, черный ходитъ, на манеръ цыгана. А то видали — рыжій, вотъ какъ корова... какъ смоеся! Краской, что ли, мажетъ... Помните, въ зальцѣ-то у нихъ была икона „Всѣ Праздники“? Себѣ оставилъ. Думали: ну что жъ, хрещеный человекъ... порадовалась даже Марья Тимофевна. На-рѣдкость, вѣдь! Ну, ризу снялъ... серебряная, плотная. Смотрю, хлѣбъ на иконѣ рѣжетъ! Я ему еще сказалъ: — „такъ не годится, мнѣ лучше подарите!“ — „Глупый ты, говоритъ, старикъ. Я святымъ дѣломъ занимаюсь, хлѣбъ — самое святое дѣло!“ Сукинъ сынъ... всю исполосовалъ, всѣ-то лики исчаряпалъ какъ!.. А-а, Михаль Ивановичъ... чашу-то какую разбили! И все свиньямъ подъ хвостъ. Сердце истаяло, глядѣмши. Что же это допущено, Михаль Ивановичъ?! Сколько выхожено было... Тридцать четвертый годъ я здѣсь, все видѣлъ. Василій Поликарпычъ лежитъ, не узнаетъ своихъ. Марья Тимофевна въ скотницахъ у нихъ... ужъ упростила, чтобы коровъ доить дозволили, молочной частью вѣдуетъ... Да что, отъ ста коровъ четыре всего осталось. Вотъ какое награжденіе за ихъ труды! Михаль Ивановичъ?.. А теперь что будетъ!.. Всѣ, должно, погибнемъ...“

— „А что такое?“

— „Да „Ильчикъ“ нашъ... бокъ напоролъ, на борону попалъ. Теперь всѣхъ расшвыряютъ. Фрухту съ оранжерей всѣмъ главнымъ посылали, въ глотку имъ... Только не тревожьте. Два года бились, сидѣли въ заводникѣ, не дыкнули... А нынче — депеша отъ Шила ихняго! „Отвѣтите за жеребенка головами!“ А, Михаль Ивановичъ?! Изъ „чеки“ одинъ съ утра дежурить, на скакалъ съ уѣзду... стерегетъ, паскуда... все нюхаетъ. Во какой инструментъ при немъ! Глазами сверлитъ... Какъ насъ расшумѣли! Съ Англіей теперь война черезъ насъ будетъ, энтотъ говоритъ! За крохотнаго жеребенка!.. А, Михаль Ивановичъ?! Гдѣ это видано? Съ ума всѣ посходили, что ли?.. Михаль Ивановичъ?..“

— „Ничего, — говорю, — Левонъ Матвѣичъ... Безъ шума они не могутъ. Какъ-нибудь избѣгнемъ...“

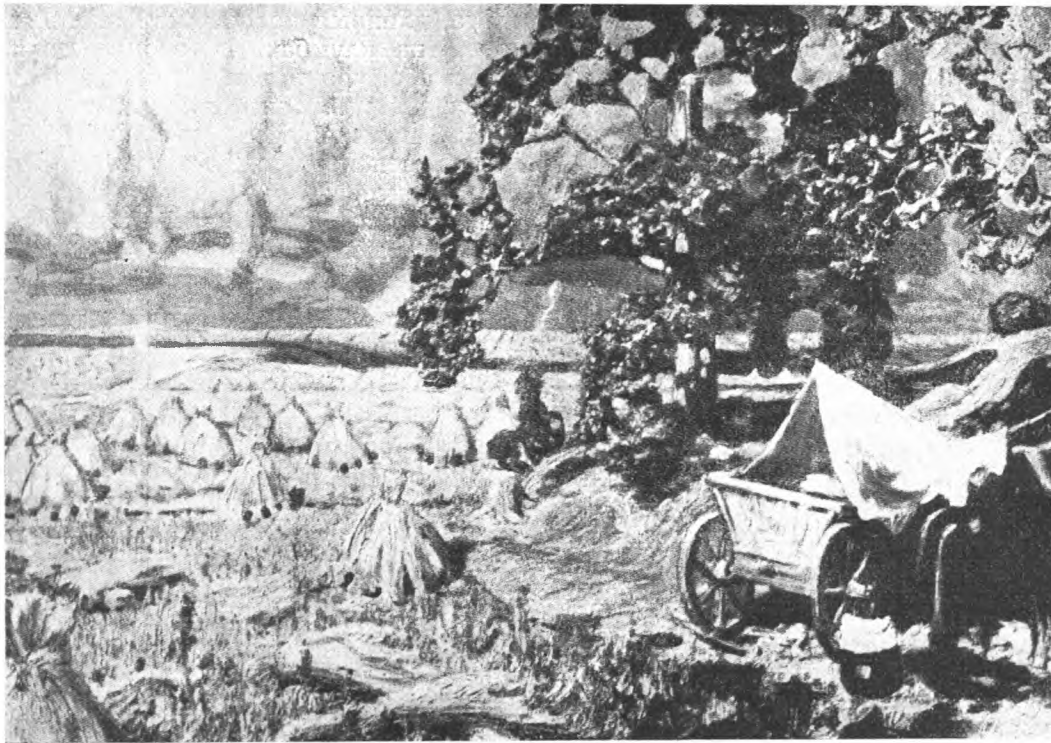
— „Да вѣдь сдо-хнеть! Лежитъ... а всѣ кругомъ дрожать... Михаль Ивановичъ?.. Крѣпостное право помню... пѣ-сни-то какъ пѣли! Солнышко было видно... А теперь, повѣрьте... ночь бы скорѣй пришла, заснуть бы... А, Михаль Ивановичъ?..“

— Крѣпостное право... Онъ на фронтахъ не былъ, старикъ. А-а... Жеребеночъ, война...

А. М. ВАСНЕЦОВЪ

„СЪВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖЪ“

А. М. Васнецовъ

„Лѣто“

Какая чушь! Свѣжему человѣку если... Я не смѣялся: по опыту я зналъ, какъ можетъ обернуться съ жеребенкомъ. Въ Сибири гдѣ-то, при погрузкѣ „Крѣпыша“... — нашли его у казаковъ въ деревнѣ гдѣ-то, рассказывали мнѣ на фронтѣ... — или еще какой-то знаменитости... — по всей Россіи разогнали кровныхъ, все прятали... — доску продавилъ въ вагонѣ, застрялъ... ногу сломалъ. Понятно, пристрѣлили. Судили трибуналомъ — провожатыхъ. Старшаго — къ разстрѣлу, другихъ — въ работы. А тутъ, вѣдь, --- Англія!...

Плакался Левонъ Матвѣичъ, лысиной ко мнѣ бодался, все шопоткомъ. Мужики не разоряли, уважали. Чтили старика, трудъ его почтили — всей жизни. Знали: ногами выходилъ, съ лоткомъ на головѣ. Только луга косили, полстада взяли, — сами приходили, просили: сосѣди грозятъ забрать. Сады, оранжереи — все въ порядкѣ было. Всѣмъ деревнямъ по мѣрѣ яблока на дворъ давалъ! Яблони велѣлъ сажать, самъ обходилъ округу. Съ мужиками ругался. Кричалъ: „смотрите, дураки... мужикъ я былъ... съ двугривеннаго началъ!“ всей Россіи скажите, что плутовалъ... — на судъ поставлю, докажи, мерзавецъ!“ И домъ не тронули. Готовое забралъ совхозъ: яблочки пріятно кушать. Имѣннице давало сорокъ тысячъ чистоганомъ, теперь — плыветъ, на шею сѣло. Скотинѣ не хватаетъ.

— „Поглядите, Михалъ Ивановичъ... чалый-то какой! Овса не выпросишь. Даютъ стаканчикъ, жидоморы! Ну... Михалъ Ивановичъ?... Мужики ахаютъ... Чортъ, будто обломалъ... Да что же... неужто по всей Расеи такъ?... Чашу какую расплескали!... Михалъ Ивановичъ?..“

Многое я видалъ на фронтахъ, гибли богатства, люди, города пылали, мосты взрывались въ мигъ... Ну, война!... Но этотъ случай, съ „Манинымъ“, меня потрясъ. Сколько о немъ я зналъ, объ этихъ тихихъ людяхъ, милыхъ старичкахъ, объ ихнемъ прошломъ! Марья Тимофеевна... Василій Поликарпычъ... Боже мой, за что?! Этихъ-то за что?! Весь бы рабочій міръ гордился ими! Ихъ бы подъ стекло, въ витринахъ поставить надо... показывать на выставкахъ... Тетя Маня... Маша-ярославка... ягодная Маша...

Мы проѣзжали перелѣсками, полями, деревнями, болотцами, кустами. Все казалось, какъ будто, прежнимъ. Кончался августъ. Осинки начали краснѣть, березки золотились краемъ, зеленѣла озимь. Сухъ былъ и ясенъ воздухъ. Небо блѣднѣло изголуба-бѣло, и паутинки падали и липли. По сухимъ буграмъ стояли одинокія березки, — бѣлая, въ сіяньи, свѣчи. Встрѣчались ребятишки, рыжики несли въ лукошкахъ, предлагали — за миллионы, только.

Затрясся мой старикъ на козлахъ, перегнулся къ лошадямъ, — и засвистѣло зубомъ: — „А-а-а-а... милі-ё-ны!.. Всѣ съ ума сошли... Ми... ми...халъ Ивановичъ?..“

Рябины обвисали, красили деревни. Свѣжимъ пятномъ кой-гдѣ бѣлѣла стройка — разжившихся съ промѣновъ, съ грабежей, съ удачи. Попадались дѣвка въ пухломъ плюшѣ, голубая, какъ кукла; стояла на пригоркѣ, подъ краснымъ зонтикомъ, каракулевой муфтой до колѣнъ укрывши пузо; чудной сидѣлъ старикъ на бревнахъ, склонившись головой — въ цилиндрѣ, думалъ думу; босой и въ котелкѣ, въ рубахѣ распояской, тросточкой показывалъ му-

жикъ на крышу: тамъ другой трудился — набивалъ на палку рогатый руль велосипеда. Мальчишки кучкой катились съ косогора по сухой травѣ, — лѣпились на качалку-кресло, путались въ дырѣ, галдѣли. Попалась баба подѣ горой, тащила съ рѣчки на коромыслѣ — бадью и судно. Новое кривлялось, искало мѣста. Встрѣчались и фигуры поновѣе: товарищъ — парень, въ галифе съ блестящимъ задомъ, съ кожаной заплатой, подрагивая ляжкой, разставивъ ноги, лихо умывался подѣ колодеземъ, съ часами у запястья; гордая его красою, баба, мать по виду, ему качала; или верховой мотался, съ наглымъ взглядомъ, въ приплюснутой фуражкѣ, красной, — портфель на ляжкахъ, кабура съ ноганомъ, въ красныхъ звѣздахъ, длинная пола шинели волновалась, сіяли шпоры.

Левонъ Матвѣичъ выжидалъ, когда отѣдетъ, шепталъ — плевался:

— „Самый этотъ вредный... „чека“ зовется. Все по имѣнямъ рыщутъ. У насъ въ садахъ все рыли, семь суднуковъ искали, имъ извѣстно... золото въ суднукахъ зарыто. Зарыто — не зарыто, а найди, поди-ка!“

— „А гдѣ же Паша? — вспомнилъ я вдругъ пѣвуню.

Вспомнилъ ночныя пѣсни, душныя ночи

лѣта, длинныя полосы изъ оконъ, пятна цвѣтовъ на клумбахъ и звонъ рояля... зеленыя тѣни абажуровъ, тѣни на полотнѣ терасы... — „канарейку“... Вонъ ея милая головка у рояля, вонъ перекинулась страница, блѣдная рука мнетъ непокорную бумагу... Гдѣ же она, милая консерваторка, племянница-сиротка, радость дома?.. Вспомнилъ, какъ Василій Поликарпычъ, сгорбившись, слушаетъ въ качалкѣ, подтопываетъ сапожкомъ мягкимъ. Встанетъ, избочится, нѣжно погладитъ сзади и запоетъ, счастливый:

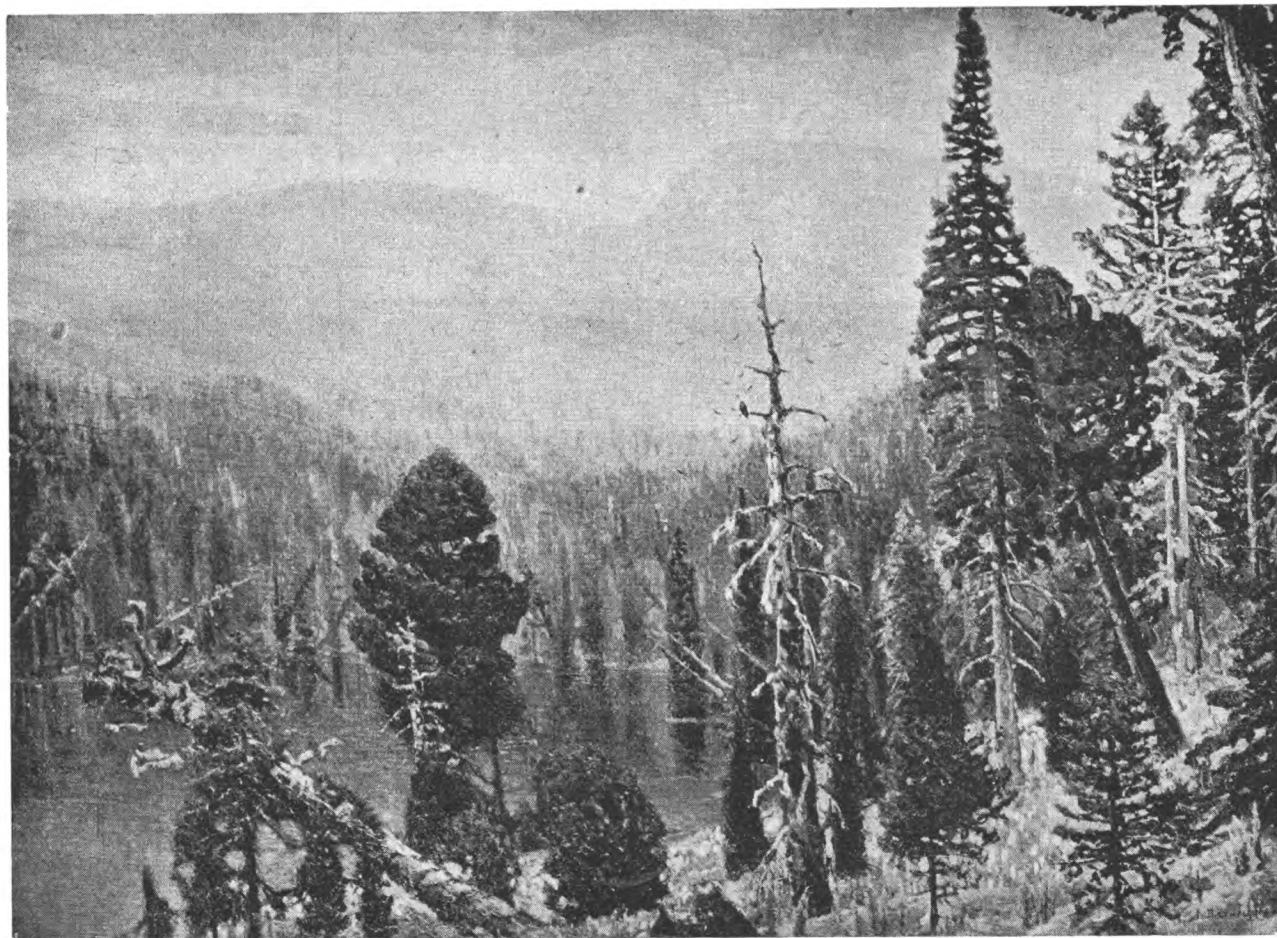
„Я — ге-не-раль...“

„А ты... ки-нарейка!“

И чуть пройдетъ.

— „Отпѣлась, Михаилъ Ивановичъ, кинарейка наша!..“

И я узналъ, что наша красавица-пѣвунья — какъ она „Тройку“ пѣла или — „Во полѣ березынька стояла!“ — была сестрой милосердія, что въ Самарѣ ее арестовали на вокзалѣ, и она пропала, что Василій Поликарпычъ, уже послѣ удара, посылалъ садовникова Тимку-красноармейца разузнавать въ Самару. Даль живого золота Тимкѣ, съ сотню, — „только всю правду дознай про нашу кинарейку!“ Тимка такъ дознался, гулялъ съ ними. Сказывали ему, что вѣрно, была у нихъ красавица-пѣвица,

А. М. Васнецовъ

„Тайга“

и точь-вточь такая, да только Маша, а не Паша; гоняли ее изъ тюрьмы пѣтъ солдатамъ, русскія пѣсни она пѣла; потомъ взялъ ее къ себѣ на квартиру „главный“, да она ужъ не пѣла больше, — и не видали. Что-то вышло, не говорили только. Сказалъ одинъ въ красной шапкѣ, съ которымъ кутилъ Тимка: „вывели“ ее, понятно... все равно, такъ бы не отпустили! она офицерамъ служила, карточку при ней взяли!“

— „Помните, бывалъ у насъ сынъ генерала Хворостова, уланомъ? Съ нимъ она и поѣхала отсюда... Вотъ, какія дѣла-то у насъ, Михаилъ Ивановичъ... А можетъ и найдется!..“

Старикъ остановилъ лошадей, обернулся ко мнѣ и, поглядывая къ кустамъ, сталъ загибать на пальцахъ:

— „...Вотъ сколько выходитъ, по однимъ сосѣдямъ... семнадцать человекъ перегубили! Нашихъ душегубцевъ одинъ всего оказался... телеграфистъ со станціи, Алешка, такой, помните, волосатый? депеши, возилъ, бывало? Такой лютый людоедъ взялся... Василию Поликарпычу въ ротъ пистолетъ совалъ, — гдѣ деньги?! А бывало, полтинникъ получить, до самага забора козыряеть!..“

Я привыкъ въ трудныя минуты обращаться къ медицинѣ. Всегда она при мнѣ въ приличной дозѣ. И тутъ, услыхавъ о моихъ старикахъ и пѣвунѣ-Пашѣ, — съ дѣтства я живалъ въ „Манинѣ“, какъ родной, — мой покойный отецъ былъ изъ той же ярославской деревни, торговалъ зеленымъ горошкомъ, — я почувствовалъ, что пружина ослабѣла, и надо зарядиться.

— „Постой-ка Левонъ Матвѣичъ“... — сказалъ я ему и щелкнулъ себя по горлу, — „колеса смазать“...

У березокъ мы остановились. Я произвелъ смѣшеніе жидкостей въ должной мѣрѣ, и мы помянули прошлое, закусивъ яблочкомъ.

— „Михалъ Ивановичъ!.. Ангели вопіае!..“ — боданулъ лысиной Левонъ Матвѣичъ.

А я посматривалъ на березки. Милыя вы мои, все тѣ же... И травка та же, родная, горевая. И пахнетъ... помните, въ хрестоматіи... Гоголь, что ли... или Толстой... „и пахнетъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и

кашки!“ Мнѣ за это на экзаменѣ влетѣло, за диктовку!

— „Выпьемъ, старикъ!“ — налилъ я по второму, а онъ плачетъ.

— „Михалъ Ивановичъ... Теперь хорошо, никто не видитъ... будто опять свободно, съ вами. Освѣтили! Крови-то сколько приняла, впитала“... — похлопалъ онъ по травкѣ.

И вотъ, смотрю я на тихія березки... бѣлая, золотыя, на крови нашей! Повернулось во мнѣ, какъ колья...

— „Ну, — говорю, — старикъ... чувствую я... вѣрно ты говоришь... впитала! Теперь она мнѣ тысячу разъ роднѣй стала! Она скажетъ! Скажетъ?..“

— „Скажетъ, Михалъ Ивановичъ. Кровь всегда отзовется“.

Пошелъ онъ къ лошадямъ, всталъ передъ ними, поглядѣлъ такъ, всплеснулъ руками, охватилъ морду чаленькаго, стараго, — Василий Поликарпычъ на немъ на дрожжахъ ѣздилъ, — ткнулся въ него, захлопалъ. Шапка его свалилась, лысина вспотѣла, и по ней задрожали жилы. И чалый въ него зафыркалъ. А меня слезы задушили.

— „Ну, старикъ, ѣдемъ. Въ ударномъ порядкѣ приказали. Такъ плохъ сосунокъ-то?“

— „Издохнетъ, Михалъ Ивановичъ. За вами поѣхалъ — дыхъ у него сталъ частый. Теперь съ англичанами воевать придется! — задрезжалъ его смѣхъ свистящій, и зубъ его желтый засмѣялся. — Да только они... визгу отъ нихъ много... себя застрашиваютъ, чтобы еще лютѣе. Теперь вотъ... — конторщикъ мнѣ говорилъ, — декретъ пишутъ! Чтобы по-нашему говорить не смѣли, а на весь свѣтъ изобрѣтають! Книжку показывалъ конторщикъ... велѣно по-ихнему чтобы!.. — понизилъ старикъ голосъ, приглядѣлся къ кустамъ и плюнулъ.

Кругомъ только березки были. И птичка какая-то пищала, прощальная.

А вонъ и „Манино“ завиднѣлось по низинкѣ, и во мнѣ задрожало сердце.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Ноябрь 1925 г.
Парижъ

Ив. Шмелевъ

ОЛЬГА ДАЛМАТОВА

ВЪ ВИХРѢ

Рыдаютъ гулы, смѣются звоны,
Кричатъ и люди, кричатъ и вещи...
Безсильно гаснутъ Его Законы.
Въ туманахъ злобы, гдѣ бьются стоны,
Нѣтъ мѣста правдѣ, спокойной, вѣщей...

Душѣ усталой, какъ волчьи зубы,
Грозятъ сомнѣнья оскаломъ жаднымъ.
Въ лазури неба чернѣютъ трубы,
Бульвары дышутъ дыханьемъ смраднымъ.

Но есть и будутъ земли просторы,
Земли творящей лучи, улыбки.
Въ молчаньи блещутъ снѣгами горы,
Въ долинахъ рѣки дремотно-зыбки.

А мы, какъ въ вихрѣ, — и въ снахъ и въ были...
Мгновенья, годы, — все мимо, мимо...
Въ раскатахъ гула, въ завѣсахъ пыли,
Разя другъ друга неумолимо,
Смѣясь и плача спѣшимъ... къ могилѣ.

Ольга Далматова

МУЖИКЪ И ЧОРТЪ

Святочный рассказъ

Їдетъ мужикъ изъ села въ свою деревню подъ самый Новый Годъ. Їдетъ — торопится, знаетъ, — жена ругать будетъ, что у кума цѣлый день прохороводился и ей обѣщаннаго платка не привезъ. „Эко-сь, вѣдь дѣло то какое“, — почесываетъ мужикъ затылокъ, — „платокъ-то совсѣмъ изъ головы вонъ. А все кумъ“.

Їхать весело. Свѣтитъ мѣсяцъ, а морозъ какъ разъ въ самую пору. Возвращается мужикъ здорово выпивши, потому отъ кума трезвымъ не уѣдешь, — мастеръ онъ угощать; хотя бы и привычнаго человѣка взять, — и того съ ногъ свалить. Стало мужика ко сну клонить, прилегъ онъ въ сани, да задремалъ маленько; вдругъ лошадь стала.

— Ну, ты! — кричитъ мужикъ, — поворачивайся, чего стоишь, желтоглазая?

А лошадь ни съ мѣста.

Мужикъ за возжи дергаетъ, понукаетъ, а лошадь ни взадъ, ни впередъ. Сѣлъ мужикъ, кнутомъ вытянулъ саврасую, а она только дергается, да головой мотаетъ.

И видитъ мужикъ, что уперлась она мордой въ возъ сѣна.

— Эй, кто тамъ? — оретъ во все горло мужикъ, — чего посередь дороги стали?

Никто не отвѣчаетъ; мужикъ кричитъ — бранится, а въ отвѣтъ не отзывается никто.

Разсердился мужикъ; весь сонъ, какъ рукой, сняло. Протеръ глаза и видитъ, что стоитъ возъ сѣна поперекъ дороги; коней не видать, а оглобли протянулись такъ, что ни справа, ни слѣва не объѣдешь.

— Вѣдь вотъ, лѣшай эдакой: отпрегъ коней, самъ уѣхалъ и дорогу загородилъ. Чортъ тебя дери, въ ротъ тѣ дышло, — ругается мужикъ.

Видитъ вдругъ онъ, — шевелится кто-то на возу и голову поднимаетъ, — и кто же?

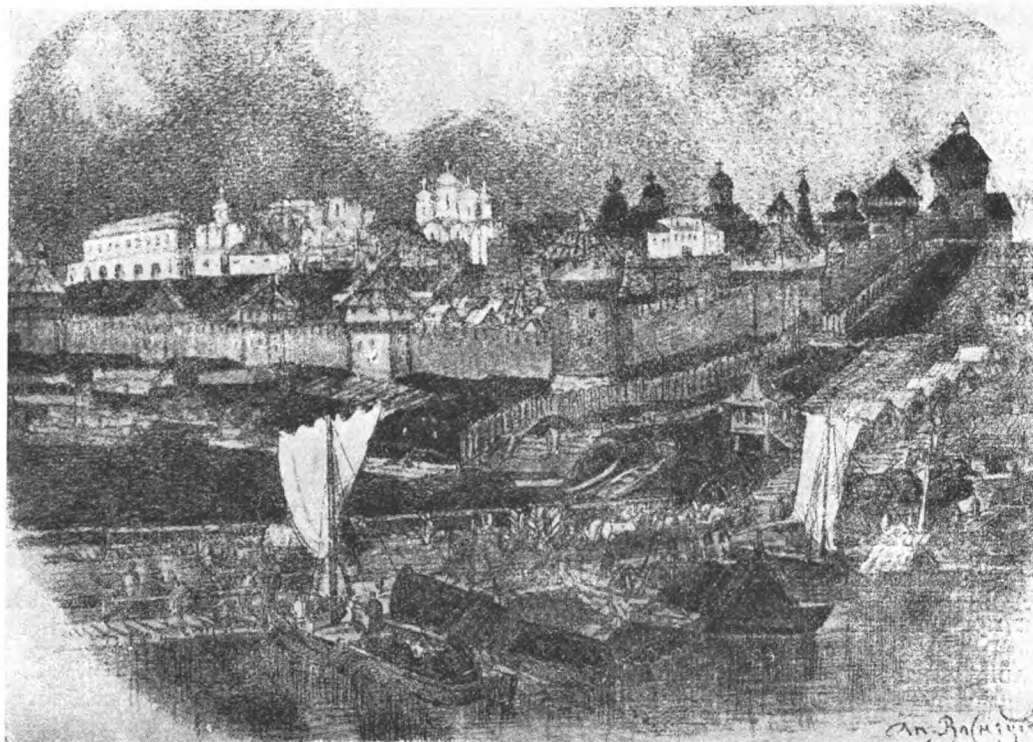
Коза!

— Ишь вѣдь, куда тебя угораздило-то, — удивляется мужикъ, — а коза на ноги поднялась. Видитъ тутъ мужикъ, что это не коза, а самъ чортъ съ козлиной бородой и рогами.

Потягивается чортъ, зѣваетъ, до самыхъ ушей ротъ растянулъ и говоритъ: — Чего это ты такъ, мужичекъ, озорничаешь. Я было вздремнулъ маленечко, а ты потревожилъ.

— Тоже нашелъ мѣсто, гдѣ спать, лѣсу тебѣ мало, что-ли?

— Лѣсъ то великъ, что говорить, да скушно одному въ лѣсу, а тутъ дорога проѣзжая, — съ кѣмъ повстрѣчаешься, вотъ какъ-бы съ то-

А. М. Васнецовъ

„Кремль при Іоаннѣ III-мъ“

А. М. Васнецовъ

„Кремль при Іоаннѣ Калитѣ“

бой сейчасъ, — согласишься, анъ, глядь, и времячко прошло.

— Стану я съ тобой, съ чортомъ разговаривать. Съ тобой поговори, такъ совсѣмъ смерзнешь. Съѣзжай съ дороги и безъ никакихъ!

— Да ты не серчай, мужичекъ: коли ознобило тебя, — полѣзай ко мнѣ на возъ; сѣнцо мягкое, въ немъ и обогрѣешься.

— Есть тутъ мнѣ время по возамъ лазить. Сказано, — съ дороги съѣзжай, а то возъ подпалю.

Покатился тутъ чортъ со смѣху, лапами за животъ ухватился и пошелъ по возу кувираться, да во всѣ стороны сѣно разбрасывать.

— И чего это тебя, дьявола разбираетъ? всѣ глаза сѣномъ засыпаль, — ворчитъ мужикъ, — а чортъ слезы кулаками утираетъ и мужику отвѣчаетъ:

— Ишь вѣдь, какъ до слезъ насмѣшилъ. Нашелъ, чѣмъ стращать тожъ. Да у насъ въ аду такъ палить, что только держись, къ жару то я этому давно притерпѣлся. Коли охота, — пали возъ, сдѣлай милость, а мнѣ нипочемъ, развѣ обогрѣться маленько. Хи-хи-хи!

Мужикъ рветъ и мечетъ, не знаетъ, что ему дѣлать, а чортъ опять къ нему:

— Да ну тебя, право, чего расходился-то? Я ужъ, такъ и быть, возъ уберу, да только ты меня съ собой возьми, да до деревни доведи, потому идти пѣшкомъ не охота.

— А зачѣмъ тебя въ нашу деревню понесетъ? Чего не видалъ тамъ?

— Да вотъ прослышалъ я, что Антонъ — сосѣдъ твой — опился до бѣлой горячки. Ну, думаю, спровѣдаю, да повеселю его, друга милаго, а то, не ровень часъ, заскучаетъ.

Плюнулъ мужикъ съ досады, а видитъ, что ничего съ чортомъ не подѣлаешь: не стоять же и на самомъ дѣлѣ всю ночь на дорогѣ. Согласился взять его съ собой.

Слѣзъ съ воза чортъ, махнулъ хвостомъ, а возъ съ дороги ту-же минуту убрался, словно подъ землю провалился.

Усѣлся чортъ съ мужикомъ рядомъ — хвостомъ машетъ, ерзаетъ, виляетъ и всякую чушь мужику на ухо городить.

— Да чего ты мелешь-то ни къ мѣсту, да и хвостомъ размахался, — говоритъ чорту мужикъ, — чай не лѣто теперь, и безъ твоего хвоста совсѣмъ сзябъ.

А чортъ прощенія проситъ: — Ахъ, прости ты меня, мужичекъ, не сердись; это у меня такая привычка осталась, потому въ аду-то жарковато, ну и обмахиваешься хвостомъ; все же какъ будто попрохладнѣе становится.

Проѣхали маленько, вдругъ чортъ спрашиваетъ мужика:

— Куда это ты, мужичекъ, ѣдешь?

— Какъ куда, — да извѣстно, домой. Не чортъ ты послѣ того, а дурень, коли этого не знаешь.

— А ты полегоньку, миленькій. Сначала погляди, а потомъ и лайся.

Глядитъ мужикъ, и правда — незнакомыя мѣста. Надо полагать, — съ пути сбился, а ѣхать вѣдь оставалось какихъ-нибудь три версты до деревни, не больше.

А чортъ ушами хлопаетъ, рожи строитъ и надъ мужикомъ издѣвается:

— Вотъ то-то и оно-то! Больно уменъ сталъ, чорта учить захотѣлъ. Я тебѣ послѣ

этого не товарищъ. Я рысцой скорѣй твоего добѣгу, а ты поѣзжай какъ знаешь.

— Да ну тебя, экій горячій какой, — говоритъ мужикъ, ухвативъ чорта за хвостъ, — и слова не скажи. Коли посадили такъ сиди, тоже — понимать должонъ.

— Я то понимаю, а вотъ ты куда заѣхалъ, небось и самъ въ толкъ не возьмешь.

Чешетъ мужикъ затылокъ и не знаетъ, куда сворачивать, а только охаетъ, да вздыхаетъ.

— Ну, вижу, не обойтись тебѣ безъ чорта; давай возжи, а то, гляди, по землѣ волочатся, коню ноги спутаютъ.

Ѣхали, Ѣхали, и сталъ мѣсяцъ за тучи пря- таться, снѣгъ хлопьями повалилъ, и замела метель, закружила такъ, что и коня еле раз- глядишь.

Присмирѣлъ мужикъ и голову повѣсилъ, а чортъ его легонько въ бокъ подталкиваетъ и ласково заговариваетъ: — Да брось ты, мужи- чекъ, чего пригорюнился, не веселъ ѣдешь; давай-ка лучше пѣсни пѣть, времячко-то и пройдетъ, — не замѣтишь какъ.

Тряхнулъ головой мужикъ, пріободрился,

обнялъ чорта и загорланилъ пѣсню на весь лѣсъ, а чортъ тоже не отстаётъ — тоненькимъ голоскомъ ему подтягиваетъ.

Замелькали огни: вѣѣхали, надо полагать, въ деревню, да за метелью не разберешь, — въ свою-ли, иль въ чужую.

Бѣжитъ конь, изъ силъ выбился, — только паръ отъ него клубомъ валить. Вдругъ всталъ онъ, какъ вкопанный, а чортъ какъ дастъ мужику по загривку, — тотъ изъ саней кубаремъ выкатился и угодилъ прямехонько въ сугробъ.

Кричитъ чортъ изъ саней, посмѣиваясь, мужику: — Ну, чего ты въ снѣгу сидишь, вылазь, домой пріѣхали.

Обрадовался мужикъ, что до дома добрался, вылѣзъ изъ сугроба, отряхнулся и чорта про- сить: „а теперича сдѣлай милость, уважь, ло- шадку отпряги, да маленько поводи сначала, а потомъ пить дашь, а то уѣздила ты ее — ни на што не похоже“.

— Эвона чего захотѣлъ, и безъ меня упра- вишься, — отвѣчаетъ чортъ, — слышь, пѣтухъ кричитъ! — а самъ хвостомъ махнулъ: только мужикъ его и видѣлъ.

А. М. Васнецовъ

„Москва XVII столѣтія. На развѣтѣ у Воскресенскихъ воротъ“

А. М. Васнецовъ

„Медвѣдчики“

Выбѣжала на шумъ баба изъ избы и спрашиваетъ: — съ кѣмъ это ты говоришь-то, да на всю деревню орешь? Аль привезъ кого съ собой? Эка напасть какая, — да никакъ ты опять пьяный пріѣхалъ?

— Ну, тоже, скажешь — пьяный! Вотъ коня, говорю, отпряги, а онъ убѣгъ.

— Да чего ты городишь-то: куда онъ убѣгъ, коли здѣсь еле живой стоитъ.

— Отпряги, говорю, а...

— Отпряги, отпряги! Сама знаю, что отпречь надо-тъ, гдѣ ужъ тебѣ... Ступай въ избу. Чего розиня ротъ стоишь?

Повела баба лошадь, а мужикъ ей вслѣдъ ворчить: — вотъ дура баба-то, говорю ей, — онъ убѣгъ, а она мнѣ про коня твердитъ. Самъ знаю, что конь, то — конь, а то — чортъ, тоже понятіе надо имѣть! Да нешто ей втолкуешь? облаетъ только ни зашто, ни прошто, и дѣло съ концомъ. Эхъ, что курица, что баба, — одна тварь неразумная.

Разобидѣлся мужикъ, махнулъ рукой и пошелъ шатаясь въ избу.

Отпрягла баба лошадь, вернулась въ избу, а мужикъ не спитъ, на лавкѣ сидитъ и самъ съ собой разговариваетъ: — Вишь ты, добрый-то какой: и къ дому довезъ, и изъ саней высадилъ. Не смотри, что чортъ, а обходительный.

А хошь ты — озолоти теперича меня, — пить не согласенъ, потому, не приведи Господи, наскочишь на другого какого — и въ живыхъ не останешься...

— Да чего ты разсѣлся-то и мелешь незнамо что? набросилась на него баба, — спать ложись, давно ночь на дворѣ. А вотъ платокъ-то гдѣ у тебя, что привезъ пообѣщался?

Какъ услышалъ про платокъ мужикъ — въ полъ устался, половицы принялся пересчитывать, а самъ всей пятерней затылокъ скребѣтъ.

— Платокъ-то, спрашиваю, купилъ? чего молчишь, аль оглохъ?

— Купить-то купилъ, да дорогой обронилъ, будь ему неладно.

— Знаю я, какъ ты платки привозишь. Когда лошадь отпрягать, либо по дрова въ лѣсъ ѣхать, то жена хороша, — а то и думушки у тебя нѣтъ, пьяница несчастная...

— Да не ругай ты меня, Христа ради, еще разъ поѣду — вотъ тѣ крестъ — платокъ привезу, а пить ни почѣмъ больше не стану, зарокъ далъ.

Разсказывали, что будто послѣ того мужикъ пить пересталъ. Оно конечно, не такъ, чтобы ужъ окончательно, но все же бабѣ своей обѣщанный платокъ привезъ.

В. Изорина

„ТАМЪ“...

Тамъ далеко, — за синимъ грознымъ моремъ
Лежить страна — то Родина моя.
Смертельной мукой и великимъ горемъ
Полны ея обширныя края.

Поруганъ Богъ, оскорблены святыни,
Въ объятыхъ смерти мечется народъ
Поля цвѣгуція — печальныя пустыни...
И такъ идетъ за годомъ новый годъ.

Доколѣ, Господи, пить чашу съ лютымъ горемъ?
Доколѣ царствуетъ надъ нами Сатана?
Мы о путяхъ потерянныхъ все споримъ,
А тамъ... скорбитъ родимая страна.

Б. Руслановъ

ИДЕЯ БОГОЧЕЛОВѢЧЕСТВА У ВЛ. СОЛОВЬЕВА

(По случаю 25-лѣтія со дня смерти)

(Окончаніе)

Въ прогрессѣ Вл. Соловьевъ видитъ христіанское начало, противоположное китаизму. Въ статьѣ „Объ упадкѣ средне-вѣковаго мировозрѣнія“, которая въ свое время вызвала рѣзкія нападенія противъ Соловьева, онъ изобличаетъ полужыическій характеръ средне-вѣковаго христіанства и видитъ въ прогрессѣ гуманности, въ общественныхъ реформахъ, осуществляющихъ большую социальную правду и справедливость, осуществленіе христіанскихъ началъ, хотя и не осознанныхъ. В. С. всегда требовалъ, чтобы христіанство было до конца принято въ серіозъ и осуществлялось во всей полнотѣ жизни, личной и общественной. Это основной мотивъ, которому онъ оставался вѣренъ всю жизнь. Онъ никогда не могъ примириться съ тѣмъ, что христіане считаютъ возможнымъ для личной жизни руководствоваться христіанскими началами и заповѣдами, а для жизни общественной и исторической руководствоваться началами прямо противоположными христіанству, началами зоологическими. Онъ проповѣдуетъ ту бесспорную истину христіанской морали, что христіане прежде всего должны стремиться къ тому, чтобы самимъ быть лучше и осуществлять завѣты Христа, а не ненавидѣть и преслѣдовать не христіанъ. Эту христіанскую истину онъ примѣнялъ къ рѣшенію еврейскаго вопроса. Христіане прежде всего должны по христіански относиться къ евреямъ и давать имъ примѣръ осуществления христіанства въ жизни. Уже въ поздній періодъ своей литературной дѣятельности Вл. Соловьевъ пишетъ статью „Идея человечества у Ог. Конта“, въ которой онъ вновь настаиваетъ на своей исконной мысли, что человечество есть половина Бого-человѣчества и что почитаніе человечества есть часть христіанской религіи. Онъ сближаетъ культъ Высшаго Существа—Человѣчества у О. Конта съ культомъ Мадонны и съ культомъ Софіи у русскаго народа, отразившемся въ нашей иконописи. Громъ О. Конта былъ громъ противъ Сына Человѣческаго, который, простится, а не противъ Духа Св., который не простится. „Когда полномочные представители христіанства сосредоточатъ свое вниманіе на томъ, что наша религія есть прежде всего и преимущественно религія богочеловѣческая, и что человечество есть не придатокъ какой-нибудь, а существенная, образующая половина богочеловѣчества, тогда они рѣшатся исключить изъ своего историческаго пантеона кое-что безчеловѣчное, что туда случайно попало за столько вѣковъ, и внести вмѣсто того немного побольше человѣческаго“. И Соловьевъ предлагаетъ внести въ христіанскій пантеонъ имя О. Конта. Есть большая правда въ основной мысли Соловьева. Но онъ не замѣчаетъ, что если человечество есть половина Богочеловѣчества, то культъ человечества, оторванный отъ Бога и направленный противъ Бога, есть не половина Богочеловѣчества, а религія противоположная христіанству.

Вл. Соловьевъ былъ своеобразнымъ христіанскимъ гуманистомъ. Христіанство, какъ религія богочеловѣческая, безмѣрно выше гуманизма, но гуманизмъ все-же выше бестіалізма. Многіе же христіане въ жизни общественной защищаютъ бестіалізмъ, политику зоологическую. Съ этимъ В. С. всю жизнь боролся и въ этой борьбѣ иногда упрощалъ сложность проблемы. Онъ не былъ свободенъ отъ иллюзій прогресса, не дооцѣнивалъ силу зла въ мірѣ и слишкомъ эволюціонно представлялъ себѣ осуществленіе царства Божьяго. Но когда мы представляемъ себѣ осуществленіе теократіи, какъ результатъ необходимаго развитія, мы отвергаемъ свободу чело-

вѣка, которая можетъ производить не только добро, но и зло. Соловьевская вселенская теократія есть чистѣйшая утопія, которая въ послѣдній періодъ его жизни потерпѣла крушеніе въ его сознаніи. Онъ извѣрился въ свою теократическую концепцію и пересталъ быть оптимистомъ. Подъ конецъ жизни Вл. Соловьевъ пишетъ гениальнѣйшее свое произведеніе „Повѣсть объ антихристѣ“. Въ этой повѣсти историческая перспектива исчезаетъ, стираются грани между двумя мірами и все представляется въ апокалиптическомъ свѣтѣ. Эсхатологическое пониманіе христіанства смѣняется пониманіемъ историческое. Въ историческія задачи В. С. больше не вѣрить и не ждетъ осуществленія теократіи въ исторіи. Слишкомъ большой оптимизмъ смѣняется слишкомъ большимъ пессимизмомъ. Образъ антихриста представляется Соловьеву какъ образъ филантропа, человеколюбца, осуществителя социализма, всеобщаго мира и счастья человечества. Черта родственная съ Великимъ Инквизиторомъ Достоевскаго. В. С. видитъ настаніе зла въ мірѣ подъ видомъ добра, зла соблазняющагося добромъ. Власть окончательно переходитъ къ антихристу. Соединеніе церквей происходитъ за границами исторіи, въ концѣ временъ, въ планѣ апокалиптическомъ. Православный Старецъ Іоаннъ первый распознаетъ антихриста и этимъ утверждаетъ особенную мистическую чуткость въ православіи.

Все дѣло жизни Вл. Соловьева ставитъ мучительную проблему передъ христіанскимъ сознаніемъ: христіане должны всѣми силами духа осуществлять правду Христову въ мірѣ, не только въ жизни личной, но и въ жизни общественной, должны стремиться къ царству Божьему не только на небѣ, но и на землѣ, и царство Божіе на землѣ легко можетъ оказаться обманомъ и подмѣной, царствомъ антихриста, соблазнъ зла подъ видомъ добра и блага. Вѣдь и коммунизмъ соблазняетъ кажущимся стремленіемъ къ осуществленію социальной правды, но онъ является обезьяной и оборотнемъ христіанской правды, дѣломъ антихриста. Новое время какъ будто не создало ересей, подобныхъ ересямъ первыхъ вѣковъ христіанства, оно было равнодушно къ вопросамъ догматическимъ. И все таки оно создало одну великую ересь, ересь гуманизма, которая возможна лишь внутри христіанскаго міра, ересь религіозной антропологии. Всѣ ереси оставили какую-нибудь важную и въ церковномъ сознаніи еще не разрѣшенную проблему, хотя и давали ложный отвѣтъ на эту проблему. И ереси всегда вызывали творческое движеніе церковной мысли, въ которомъ проблемы находили положительное разрѣшеніе. Правда о чело-вѣкѣ и его творческомъ признаніи въ мірѣ еще не была раскрыта до конца въ христіанствѣ и это вызвало свободное самоутвержденіе чело-вѣка въ новой исторіи. Это есть также вопросъ о христіанской культурѣ и христіанскомъ обществѣ. Вл. Соловьевъ очень много сдѣлалъ для постановки религіознаго вопроса о чело-вѣкѣ и чело-вѣчествѣ, хотя не всегда вѣрно его рѣшалъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые вѣрили въ пророческую сторону христіанства и уготовили положительное разрѣшеніе проблемы религіозной антропологии. И когда настанетъ часъ церковнаго разрѣшенія этой проблемы, церковнаго одоленія гуманизма изнутри, а не извнѣ, о В. Соловьевѣ вспомнятъ иначе, чѣмъ сейчасъ о немъ вспоминаютъ и онъ будетъ признанъ великимъ дѣлателемъ на путяхъ восполненія и свершенія Церкви Христовой.

Николай Бердяевъ

МИЛОЕ ИМЯ — НАТАША

Anno Domini viginta quinque французскіе государственные заводы, стремясь облегчить участь русских бѣженцевъ, выпустили на рынокъ папиросы „Natacha“ съ картоннымъ мундштукомъ. Я немедленно купилъ коробочку и, пуская неровными кольцами зловонный дымъ, задумался о миломъ имени, съ которымъ соединено въ моей жизни много трогательныхъ воспоминаній.

Ни одна взрослая Наташа линіи жизни своей съ моей жизнью не скрестила, — не этого рода мои воспоминанія. Но было нѣсколько Наташъ, маленькихъ и бѣлокурыхъ, живыхъ и созданныхъ фантазіей, которыя въ сумбуръ жизни моей должны были внести ровный свѣтъ семейственности. Должны были! но не внесли... Что тамъ на горизонтѣ? Не заря ли вечерняя?.. Должны были, но не внесли и, значитъ, уже внести не успѣютъ.

Когда солнце стояло еще высоко, я хотѣлъ усыновить ребенка (чтобы было для кого и для чего жить). Проживалъ же я тогда въ Римѣ, эмигрантомъ, и изъ Россіи мнѣ написали, что есть маленькая дѣвочка, по имени Наташа, мать которой умерла отъ чахотки, а

отецъ въ тюрьмѣ, — не хочу ли я взять ее на воспитаніе? Это было въ девятьсотъ седьмомъ году.

Чахотка могла дѣвчкѣ передаться, — но не бѣда: въ Италіи я сумѣю вырастить ребенка здоровымъ. А вотъ отецъ въ тюрьмѣ...

Я запросилъ: почему отецъ въ тюрьмѣ? Если онъ уголовный — не препятствіе. Если политикъ...

Только одной наследственной болѣзни я опасался: социаль-демократической. Дефективныхъ дѣтей можно излѣчивать и выправлять по системѣ Монтессори. А вотъ марксизмъ я всегда считалъ тяжкимъ органическимъ порокомъ: излѣчимъ ли онъ? Не обусловленъ ли онъ перерожденіемъ щетовидной или другой важной железы? Не сказывается ли на дѣтяхъ атавистическими явленіями: косоглазіемъ, заячьей губой, рахитизмомъ, наследственной тупостью?

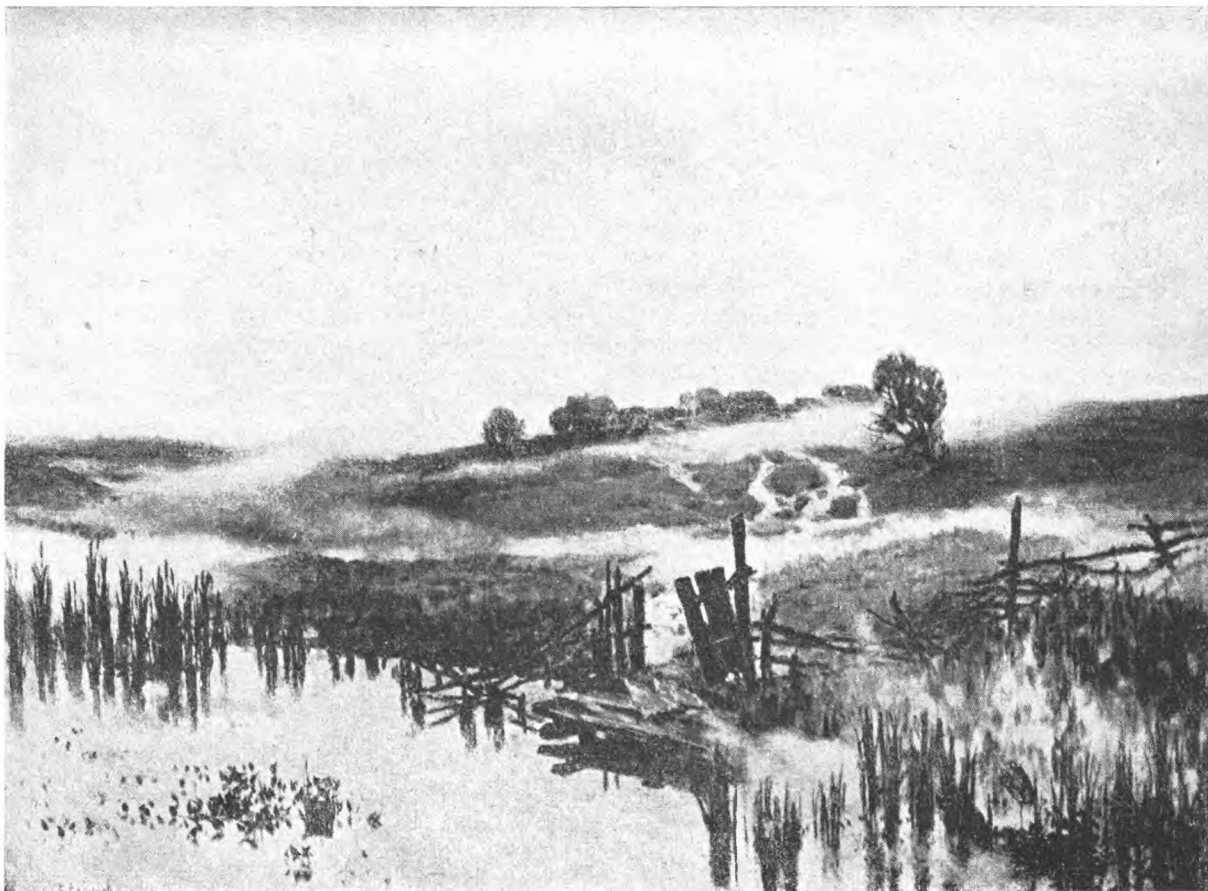
Мнѣ отвѣтили: отецъ, дѣйствительно, марксистъ. Я отвѣтилъ: нѣтъ, не могу рѣшиться взять дѣвочки, очень ужъ велика отвѣтственность.

И эта первая Наташа не стала моей дочерью.

А. М. Васнецовъ

„Старая Москва“

А. М. Васнецовъ

„Утро“

Жили мы тогда въ виллѣ на высокомъ побережьи Средиземнаго моря, въ славномъ итальянскомъ рыбацьемъ поселкѣ. Была весна. У меня былъ кабинетъ, передѣланный изъ домашней капеллы, и тамъ я работалъ по ночамъ, такъ какъ днемъ свѣтило солнце и манило море, — гдѣ же тутъ заниматься писаніемъ. И жили мы коммуной молодежи, — женатыхъ только двѣ пары.

Поздно вечеромъ зашла ко мнѣ одна милая дѣвушка, смущенно сѣла у стола и сказала:

— Дядя Миша, если мнѣ понравился человекъ, — что я должна дѣлать?

Дядей я ей не былъ, но былъ все же изъ болѣе старшихъ на виллѣ. И я спросилъ ее:

— А что, очень онъ вамъ нравится?

— Очень.

И по глазамъ видно: очень!

Тогда я сказалъ:

— Ну что же, значить думать долго не приходится; все равно иного ничего не придумаешь, Богъ съ вами. Оно, конечно, глупо, — но ужъ такъ человекъ созданъ...

Она ушла, а я подумалъ:

— Вотъ ужъ начинаютъ со мной совѣтоваться въ такихъ дѣлахъ... И лестно и печально. И... завидно, что ли...

Другой ночью я долго заработался, до самаго разсвѣта. На разсвѣтъ вышелъ въ садъ

погулять, возвращаясь же — спугнулъ кого то на лѣстницѣ.

Притаилась на верхней площадкѣ, да плохо: босая, волосы по плечамъ, глаза особенные — не обманешь.

И я подумалъ: зачѣмъ имъ скрываться?

Вечеромъ того дня подали огромную миску макаронъ — на пятнадцать человекъ. А вино есть? Есть, двѣ фьяски! Тогда прошу слова:

— Предлагаю, товарищи, тостъ за милыхъ нашихъ Олю и Борю.

Они покраснѣли, а мы выпили и еще выпили.

Комнаты же мы перераспредѣлили такъ, чтобы не быть Олѣ съ Борей въ разныхъ этажахъ и не бѣгать босикомъ по лѣстницѣ.

Осенью они поѣхали въ Парижъ. У него паспортъ былъ, у нея не было. На тогдашней границѣ паспортъ не былъ нуженъ, а въ Парижѣ требовалось „перми де сежуръ“. Чѣмъ имъ возиться и придумывать себѣ документъ, — я далъ имъ свой старый парижскій, общій для меня и жены: пусть поживутъ, пока что-нибудь раздобудутъ. И удобнѣе — обоймъ на одну фамилію.

Они поселились въ Парижѣ. Пишутъ мнѣ:

— Поздравьте. Родилась у насъ дочка, а записать пришлось на вашу фамилію, такъ какъ у насъ другого документа все еще нѣтъ. Назвали дочку Наташей.

И я сталъ отцомъ.

Черезъ годъ онъ уѣхалъ въ Россію — срокъ его высылки окончился; а она вернулась въ Италію, въ другой русскій эмигрантскій поселокъ, куда и я пріѣзжалъ два-три раза въ году. Дочку увидалъ — милую бѣленькую дѣвочку. Она умѣла говорить „папа“, но папы не было. И папой она называла меня.

Настоящій ея папа зажилъ въ Россіи. Мама нервничала, мама плакала, мама не могла больше жить одна, безъ близкаго человѣка и безъ дѣла. Маленькая и на видъ хрупкая, она раньше была террористкой, убѣжала изъ тюрьмы, и вернуться въ Россію легально не могла. Что то трудное и сложное творилось въ душѣ ея, — не будемъ выпытывать. И она рѣшила уѣхать въ Парижъ, который и тогда былъ центромъ политической эмиграціи, а оттуда, можетъ быть, и въ Россію пробраться. Единственное препятствіе — любимая дочка Наташа. Но вѣдь есть дядя Миша, ставшій теперь „папой Мишей“. Она отдала мнѣ дѣвочку и ея метрику, гдѣ отцомъ былъ прописанъ я, матерью — моя жена.

Но не больше мѣсяца я пробылъ отцомъ. Не смогла мать надолго разстаться съ своимъ бѣлокуримъ произведеніемъ. Взяла любовь верхъ надъ стремленіемъ къ „революціонному дѣлу“. Вернулась. И длинный рядъ лѣтъ я навѣщалъ наѣздами мнѣ отданную и вновь отнятую названную дочь мою, маленькую Наташу. Теперь, когда она говорила „папа“, она думала только обо мнѣ. Другой папа, „папа Боря“, былъ слишкомъ далеко.

Я пускаю кольцами дымъ французской папиросы „Natacha“, а рукою глажу большой желтый конвертъ. Въ немъ, въ особыхъ малыхъ конвертикахъ, лежатъ локоны золотыхъ волосъ, отрѣзанные годъ за годомъ. И написано на конвертикахъ: „Тусины волосы на первомъ, на второмъ, на пятомъ, на седьмомъ году“... Чего вы хотите — ну да, я очень сентименталенъ. Дѣло въ томъ, что я никогда не былъ отцомъ, — оттого во мнѣ столько неистраченной отцовской нѣжности. Эти реликвіи хранились въ моемъ римскомъ архивѣ; я ихъ разыскалъ, привезъ сюда и держу въ боковомъ ящикѣ письменнаго стола.

А гдѣ сама она, моя дочь?

Не знаю. Знаю только, что въ Россіи.

Я помню: въ 17 году вернулись послѣдніе эмигранты. Звонокъ — я отперъ. Мать съ дѣвочкой вошли, и была бы та встрѣча радостной, если бы въ глазахъ матери не стоялъ испугъ и не блуждало отчаяніе.

— Прямо съ вокзала?

— Нѣтъ, мы были еще... въ одномъ мѣстѣ...

Пока дѣвочку умывали, причесывали, кормили, мать, сидя у меня, рассказывала отрывисто и глотая слезы:

— Онъ не предупредилъ меня... конечно, и не могъ, потому что почты правильной нѣтъ. Я позвонила и спросила:

— Дома?

Прислуга сказала:

— Баринъ въ отъѣздѣ, а барыня дома.

— Барыня? Какая барыня?

— Ихняя барыня.

А. М. Васнецовъ

„Элегія“

И мы ушли. Я утащила Таську за руку...

— Слушайте, но почему же вы не приехали сначала ко мне? Ведь я писалъ вамъ.

Она удивленно сказала:

— Но, папа Миша, ведь я думала, что я еду... домой. Онъ не написалъ мне ни слова, что къ нему нельзя...

Помолчавъ:

— Вы думаете, что я его осуждаю за... за это? Нѣтъ, не за это. Только за малодушіе. Я ему телеграфировала съ дороги, думала — встрѣтить. А онъ... убѣждалъ. Я приѣхала съ вокзала, позвонила... а Туська все слышала. Она такая понятливая. Она спросила: „Мама папы Бори нѣтъ дома?“ — „Нѣтъ“. — „А дома барыня?“ — Я скорѣе ее увела. Что же я буду дѣлать...

Потомъ привели Наташу, умытую, но не веселую. И мать ея сказала:

— Вотъ, папа Миша, ваша дочка. Вотъ, Туся, твой папа Миша.

Папа Миша не долго былъ отцомъ. За предѣлами его норы совершались жизненные драмы. Но въ особо трагическіе моменты обѣ стороны стучали въ его дверь. Приходилъ всклокоченный, смущенный мужчина, звонила похуѣвшая, совсѣмъ издергавшая нервы женщина. Папа Миша зачѣмъ-то ихъ выслушивалъ. Входя къ нему, они боялись другъ друга встрѣтить. Папа Миша очень любилъ ихъ, но часто посылалъ къ чорту. Когда они окончательно ему надоѣли, онъ сказалъ:

— Оба вы — сумасшедшіе, и я очень браню себя за то, что когда-то благословилъ васъ макаронами и фьяской итальянскаго вина. Чего вы еще отъ меня хотите?

Однажды обоимъ имъ онъ назначилъ притти въ одинъ часъ. Они пришли, не зная другъ о другѣ. Тогда папа Миша распахнулъ двери двухъ своихъ смежныхъ комнатъ, втокнулъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣла мать Туськи, лохматого и смущеннаго человѣка, и раздраженно закричалъ:

— Нате вамъ другъ друга, деритесь, цѣлуйтесь, расходитесь, сходитесь, только оставьте меня въ покоѣ!

Ушелъ изъ дому и вернулся черезъ часъ. На диванѣ сидѣли двое съ идиотскими лицами свѣже-влюбленныхъ. Это было омерзительно, и папа Миша смотрѣлъ хмуро и негодуя. Когда идиоты съ напускнымъ равнодушіемъ, попробовали заговорить съ папой Мишей, и конечно — покровительственнымъ тономъ, какъ всѣ разумные и счастливые люди, — папа Миша

вынулъ изъ стола французскую метрику своей дочери и отдалъ новымъ родителямъ. Лохматый мужчина не преминулъ замѣтить, что нужно нотаріальное удостовѣреніе — отказъ папы Миши отъ отцовскихъ правъ въ пользу новыхъ родителей Наташи.

— Какъ это ни смѣшно, — сказалъ онъ, но придется разрѣшить намъ усыновить нашу собственную дочь...

Папа Миша — юристъ. Онъ написалъ бумагу и подтвердилъ ее на судѣ. Какъ это ни смѣшно, — онъ отрекся отъ своей дочери. Какъ это ни смѣшно, — онъ, всю жизнь лелѣявшій мечту о бѣлокурой дочери, подарилъ ее сумасшедшей парѣ.

И папа Миша пересталъ быть отцомъ Наташи. Ее увезли въ другой городъ, и больше онъ никогда ее не встрѣчалъ.

Онъ собралъ сказки, написанныя имъ для чужихъ дѣтей, издалъ ихъ книжкой, озаглавивъ: „Сказки и несказки“ и, написавъ на первой страницѣ посвященіе:

„Эту сборную книжечку я посвящаю тебѣ, маленькая дѣвочка Туся, моя названная дочь и неизмѣнная героиня. Какъ и ты — эти сказки и несказки родились на чужбинѣ; какъ и въ тебѣ — въ нихъ дѣтское смѣшано съ недѣтскимъ. Я писалъ ихъ не для тебя — въ то время земля еще не цѣловала твоихъ ножекъ; но собралъ я ихъ для тебя, чтобы обѣщаньемъ прочесть тебѣ эту книжку на мягкомъ диванѣ заманить тебя сюда, въ Россію, изъ далекой прекрасной страны, гдѣ мы грѣлись въ лучахъ чужого солнца“.

Спустя нѣсколько лѣтъ, вернувшись въ изгнанье, онъ случайно узналъ, что его книжка переведена на итальянскій языкъ и издана въ Миланѣ. Досталъ ее, узналъ изъ предисловія переводчика, что „авторъ книжки уѣхалъ на войну и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти“, — и не поставилъ въ вину ни издательству, ни переводчику того, что они распорядились его книжкой безъ разрѣшенія. Развѣ можно было обижаться, когда они такъ удачно выбрали новое заглавіе для книжки, взятое отъ одной изъ сказокъ: „Rondinella Natascia“ — Ласточка Наташа!

—

(Продолженіе слѣдуетъ)

Мих. Осоргинъ

ИЗЪ ОБЛАСТИ ИСКУССТВА

ЧЕХО-СЛОВАКІЯ

Вас. Шустрый — Р. Тума

Т. Хлыновъ — Я. Войга

Дворникъ Силанъ — Е. Вѣсекъ

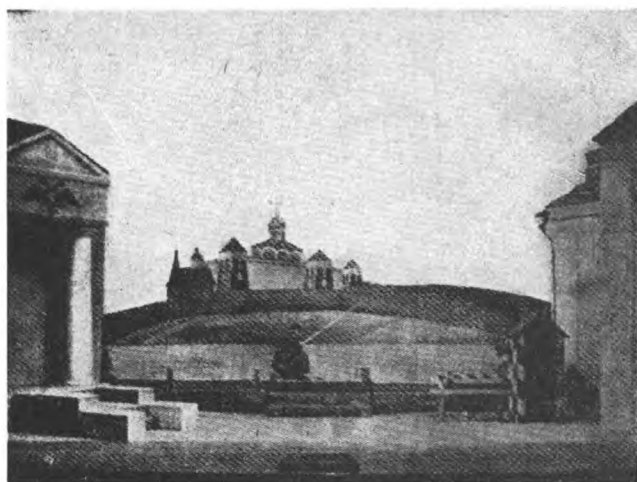
Мъщанинъ—Карель Вана

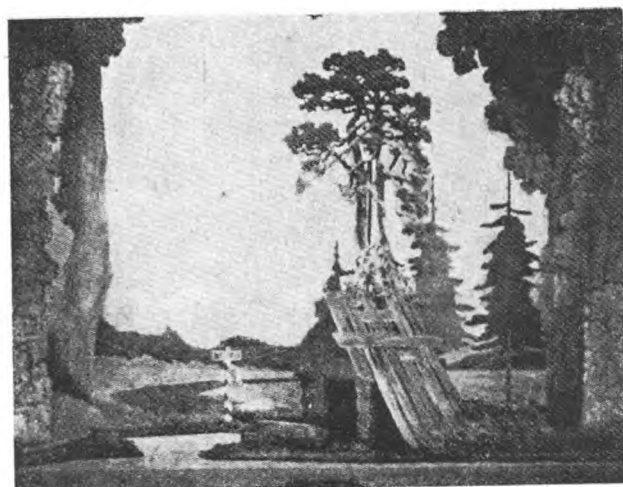
Параша—г-жа Е. Врхличка

Гаврила — Эд. Когутъ

Декорація IV дѣйствія
Комедія А. Н. Островскаго „Горячее сердце“ на сценѣ Пражскаго Народнаго театра

Декорація III дѣйствія

ПО БЪЛУ СВѢТУ

КЪ ЛИКВИДАЦІИ ГРЕ- КО-БОЛГАРСКАГО КОН- ФЛИКТА

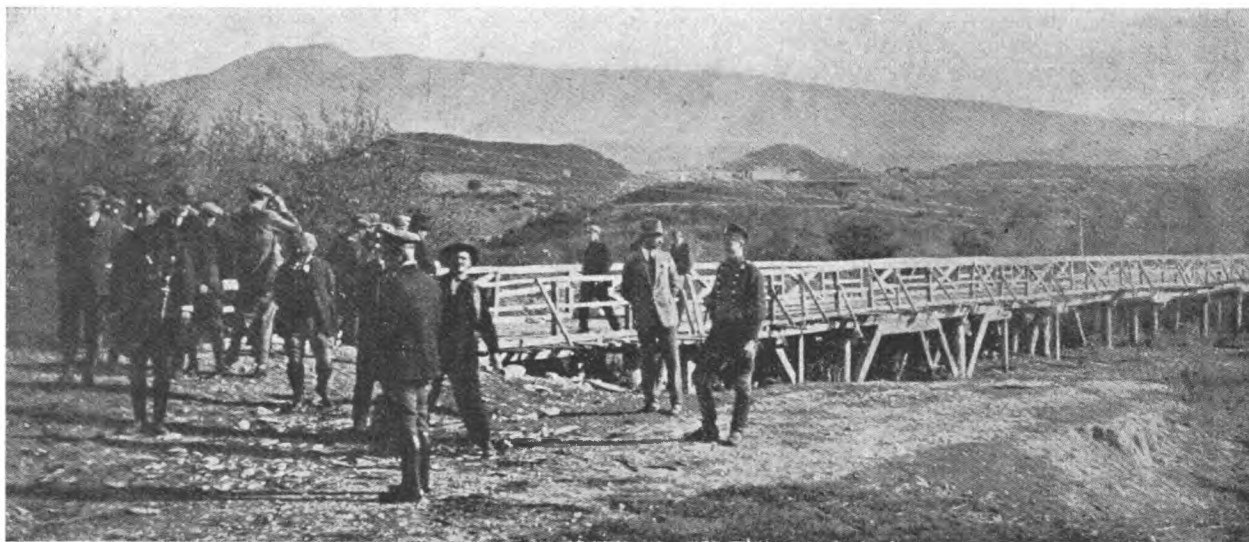
Болгарскіе крестьяне уходятъ передъ греческими войсками

Совѣщаніе военныхъ представителей Англіи, Франціи, Италіи, Греціи и Болгаріи о реэвакуаціи греческихъ войскъ

Выходъ царя Бориса изъ парламента по обсужденіи обращенія къ Лигѣ Націй

Пограничный мостъ — путь отступленія греческихъ войскъ

Болгарскіе бѣженцы

СИРІЯ

Къ событіямъ въ Дамаскъ

Дамаскъ. Пулеметчики за стрѣльбой

Дамаскъ. Окопы въ саду

Одинъ изъ разгромленныхъ кварталовъ Дамаска

ОБРАЗОВАНИЕ МАТЕРИКОВЪ ПО ТЕОРИИ ВЕГЕНЕРА

Настоящая статья имѣетъ въ виду — познакомить читателей съ теоріей образованія материковъ Вегенера — „модной“, если можно такъ выразиться, геологической теоріей настоящаго времени.

Сущность теоріи Вегенера сводится къ слѣдующему. Вопреки общепринятому взгляду на материки, какъ на что-то незыблемое, имѣющее въ земной корѣ прочную опору, Вегенеръ смотритъ на материки, какъ на громадныя глыбы суши, плавающія въ подматериковой вязкой средѣ, аналогично тому какъ въ полярныхъ областяхъ глыбы и поля льду плаваютъ въ водѣ...

И какъ ледянымъ нагроможденіямъ и выступамъ вверху соотвѣтствуютъ еще большія утолщенія внизу подъ водой (айсберги — ледяныя горы, плавающія въ морѣ — погружены въ воду своими основаниями на глубину, въ нѣсколько разъ превышающую высоту ихъ надъ поверхностью воды!) — такъ и материковымъ выступамъ — (горамъ, плоскогоріямъ) соотвѣтствуютъ утолщенія материковъ внизу. Наличие этихъ „невидимыхъ“ утолщеній доказывается и наблюденіями надъ отклоненіями маятника.

Ниже мы помѣщаемъ рисунки, изображающіе земной шаръ въ разрѣзѣ — по представленію Вегенера и плаваніе материковъ въ подматериковой средѣ. Материковую массу Вегенеръ называетъ „Си-а-лѣ“ по главнымъ составнымъ элементамъ ея — силицію и алюминію; подматериковую нетвердую среду — „си-ма“ по главнымъ ея элементамъ силицію и магнезію; „си-аль“ не сплошь прикрываетъ „симу“, плавая на ней громадными островами; въ глубинахъ океановъ — слой „сими“, вѣроятно, не прикрытъ материковой массой.

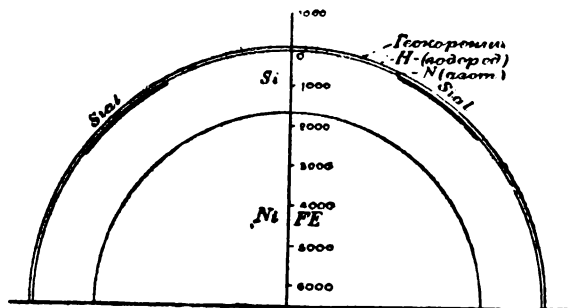
При движеніи земли вокругъ своей оси — плавающіе въ „си-мѣ“ материки не могутъ остаться неподвижными въ опредѣленныхъ об-

ластяхъ земного шара, а естественно должны придти въ нѣкоторое движеніе...

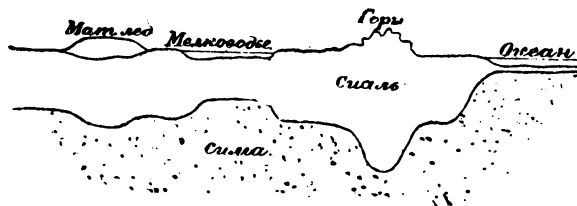
Въ этомъ движеніи материковыхъ массъ, движеніи, конечно, очень медленномъ — какъ въ силу необычайной величины материковъ, такъ и въ силу большой вязкости „си-ала“, въ которомъ они плаваютъ, — съ ними происходятъ тѣ же явленія, что и съ ледяными полями: одни части материковъ задерживаются иногда въ своемъ движеніи (большей вязкостью неоднороднаго по своей плотности „сиала“ или большими выступами суши снизу, тормозящими движеніе), другія части, сохраняя по инерціи болѣе быстрое движеніе, — или отрываються отъ первыхъ, или нажимаютъ на нихъ, образуя горныя складки... И то, и другое явленіе можно прослѣдить на фактахъ, до сихъ поръ не поддававшихся объясненію или объясненныхъ неубѣдительно...

Въ частности образованіе горныхъ хребтовъ и плоскогорій, легко понятное по теоріи Вегенера, объяснялось ранѣе сморщиваніемъ земной коры при охлажденіи земного шара и уменьшеніи его объема — Вегенеръ основательно замѣчаетъ, что при такомъ сморщиваніи горообразование должно-бы идти равномерно по всей поверхности суши, также какъ равномерно по всей поверхности яблока идетъ своего рода „горообразование“ при высыхании и сморщиваніи яблока; на самомъ-же дѣлѣ горообразование идетъ на отдѣльныхъ участкахъ суши, что остается необъяснимымъ съ общепринятой точки зрѣнія и вполне понятно съ точки зрѣнія Вегенера...

Вполнѣ понятны и землетрясенія — какъ сотрясенія участковъ суши подъ нажимомъ со-сѣднихъ участковъ, причемъ сотрясенія эти наиболѣе сильны и часты какъ разъ въ горныхъ областяхъ, наиболѣе углубленныхъ въ „сиаль“, наиболѣе задерживающихся поэтому въ вяз-

Разрѣзъ земного шара (по Вегенеру)

Разрѣзъ земной коры (согласно законамъ равновѣсія)

А. М. ВАСНЕЦОВЪ

„МОСКВА ПРИ ИВАНЪ КАЛИТЪ“

комъ „сиамъ“ и наиболее часто поэтому испытывающихъ давление сосѣднихъ участковъ суши.

Такимъ образомъ, на жи мѣ однихъ материковыхъ массъ на другія не только допустимъ, но и долженъ быть принятъ, какъ фактъ легко объясняющій горообразование и причины землетрясеній...

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса, могутъ-ли отрываться отъ материковыхъ массъ отдѣльныя части...

Еще Э. Реклю въ своей знаменитой географіи обратилъ вниманіе на поразительное сходство въ очертаніяхъ отдѣльныхъ областей суши, въ частности на сходство очертаній Африки, Южной Америки и Австраліи, какъ-бы выкроенныхъ по одной модели.

Объясненій этому сходству — не было.

Вегенеръ обращаетъ вниманіе, что не только между формой Южн. Америки и Африки есть сходство, но что положительно каждому выступу Южн. Америки соответствуетъ углубленіе въ Африкѣ, такъ что если Америку пододвинуть къ Африкѣ, то они сольются всѣми зазубринами своихъ береговъ: Южная Америка оторвалась нѣкогда отъ Африки!..

Въ пользу этой теоріи Вегенеръ приводитъ и другія соображенія.

Геологическое строеніе пластовъ земной коры въ Африкѣ (въ Гвинее) и въ Южн. Америкѣ (въ Бразиліи) — тождественно, хотя эти области отдѣлены другъ отъ друга океаномъ: фактъ, необъяснимый доселѣ и понятный съ точки зрѣнія теоріи Вегенера — это одни и тѣ-же пласты, оторвавшіеся другъ отъ друга.

Также становится понятнымъ сходство животнаго и растительнаго міра въ областяхъ, отдѣленныхъ громадными водными пространствами: напр., существованіе одного и того-же вида земляного червя по ту и другую сторону океана... До сихъ поръ эти факты объяснялись съ большими натяжками, и для переселеній животныхъ изъ стараго свѣта въ Америку приходилось обращаться къ тѣмъ временамъ, когда на мѣстѣ Берингова пролива былъ перешеекъ — но для путешествія земляного червя изъ Африки и Европы въ Америку не могъ помочь и перешеекъ...

По Вегенеру все это болѣе или менѣе ясно, ибо по даннымъ его теоріи — Африка, Южн. Америка, Австралія и Антарктич. материкъ (материкъ на южномъ полюсѣ) составляли нѣкогда одинъ материкъ, сливавшійся съ Европой и Азіей, и лишь втеченіе громадныхъ промежутковъ времени отъ него откололись части, отошедшія на югъ и на западъ.

Этимъ можетъ быть объясненъ по Вегенеру и тотъ фактъ изъ исторіи человѣчества, о кото-

ромъ мы говорили въ № 6 „Перезвоновъ“ въ статьѣ „Атлантида“ — поразительное сходство въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, архитектурныхъ памятникахъ, утвари, письмѣ, обычаяхъ и т. д. у различныхъ народовъ, раздѣленныхъ океанами, но, очевидно, бывшихъ когда-то въ общеніи между собой...

Ученый Девинъ для объясненія этого историческаго факта пытается даже воскресить миѣ объ Атлантидѣ — материкѣ потонувшемъ въ глубинѣ Атлантическаго океана и составлявшемъ нѣкогда „мостъ цивилизацій“, но теорія Девиня не такъ убѣдительна, какъ красива и занимательна и опирается лишь на легенды и сказанія, а не на факты...

Плаваніе и передвиженіе материковъ по поверхности земного шара даетъ ключъ и къ разрѣшенію цѣлаго ряда загадокъ астрономическихъ и изъ области физической географіи, объясняя — и перемѣщеніе центра тяжести земли, и связанное съ этимъ перемѣщеніе земной оси, и перемѣщеніе областей полярныхъ, умѣренныхъ и тропическихъ, а, можетъ быть, и причины ледниковыхъ періодовъ въ Европѣ и Америкѣ и нахожденія тропическихъ растений въ полярныхъ областяхъ (въ ископаемомъ видѣ), а также замѣченнаго измѣненія широты Пулковской обсерваторіи...

Отмѣтимъ лишь ясный по Вегенеру, а до сихъ поръ непонятный, фактъ поднятія и опусканія отдѣльныхъ участковъ земного шара... Въ Скандинавіи, напр., отмѣчено поднятіе суши на морскомъ берегу на нашихъ, такъ сказать, глазахъ, — мѣста причаловъ кораблей съ кольцами въ скалахъ поднялись на нѣсколько сажень вверху отъ воды, и наоборотъ, наблюдаются случаи погруженія подъ воду бывшихъ городковъ и мѣстечекъ (напр., у береговъ Англіи, Італіи и т. д.)... И подъ водой можно наблюдать остатки зданій, мостовыхъ и т. п...

Въ давно прошедшія времена поднялись со дна моря цѣлыя области, напр., русская равнина, почти вся представлявшая дно морское...

При таяніи льдовъ послѣ ледниковаго періода — всѣ материка уменьшились и онъ долженъ былъ „всплыть“ выше, причемъ при новыхъ условіяхъ равновѣсія отдѣльные участки материка могли понизиться при повышеніи другихъ...

Очень наглядную иллюстрацію къ теоріи Вегенера представляютъ цѣпи острововъ — какъ бы отставшихъ отъ материковъ въ ихъ движеніи, одинъ за другимъ, цѣлой гирляндой.

И всѣ эти факты, взятые изъ различныхъ областей науки — геологіи, ботаники съ зоологіей, физической географіи, астрономіи и даже изъ исторіи человѣчества — наводятъ себя объясненіе въ теоріи Вегенера, встрѣтившей поэтому общее признаніе въ ученыхъ кругахъ.

Разрѣвъ движущагося участка суши

Схема образованія „гирляндныхъ острововъ“

РУССКАЯ КНИГА

КОВЧЕГЪ — Сборникъ Союза Русскихъ Писателей въ Чехословакии — I, подъ ред. Вал. Булгакова, С. В. Завадскаго, Марины Цвѣтаевой. Изд. „ПЛАМЯ“ — Прага 1926.

Когда разсыятся грозовыя тучи русскаго лихолѣтія и родная земля вновь приметъ на свою почву вольныхъ и невольныхъ ея изгнанниковъ, попутный вѣтеръ понесетъ къ роднымъ берегамъ и этотъ писательскій ковчегъ, такъ удачно приставшій сейчасъ къ родственному славянскому Арарату Чехословакии. Объединится тогда въ одномъ могучемъ потокѣ и то, что впоено размытой почвой родины и то, что сохранило духъ свой въ безбрежномъ морѣ бѣженскаго разсыянiя. Сейчасъ же — это только ковчегъ, въ которомъ „отцы“ и „дѣти“, имена, извѣстныя всей Россіи, и молодежь, только вступающая на литературную дорогу, собраны любовной рукой редакціонной комиссіи для того, чтобы показать, что и живя внѣ Россіи, можно жить Россіей, не попирая русской земли, можно стоять на русской почвѣ. И какъ „Святой Островъ, сверкающій крестами, бѣлыми стѣнами, стеклами оконъ, пламенно пылающихъ подъ заходящимъ солнцемъ“ (Е. Чириковъ — „Между небомъ и землею“) встаетъ она, Родина, передъ глазами читателя, устремленными къ желанной пристани. Истошное „Вѣрю Господи! Помоги моему невѣрію“, которымъ проникнуть этотъ съ глубокимъ чувствомъ прекрасно написанный рассказъ о паломничествѣ въ далекій Валаамъ, дѣлаетъ его украшеніемъ Сборника и возвращаетъ насъ къ лучшимъ произведеніямъ писателя.

Имена С. Эфрона („Тифъ“) и А. Воеводина („Ольга“) мало извѣстны. Тѣмъ прiятнѣе отмѣтить хорошій литературный вкусъ, простую манеру письма, мѣстами (въ рассказѣ Эфрона) достигающую настоящей силы и позволяющую возложить на авторовъ опредѣленные надежды. Сюжетъ обоихъ рассказовъ — выстраданное (это ихъ сближаетъ), фонъ — роднить съ появившимися недавно и въ эмигрантской печати рассказами Леонова, Ал. Яковлева. Однако, это не подражаніе, а совершенно естественное стремленіе передать одинаково запечатлѣнные образы на фонѣ недавней борьбы. Характерная черта: отсутствіе единства мѣста дѣйствiя,

его подвижность — и поѣздъ, уносящій въ Москву тифознаго офицера, и Ольга, покидающая насиженные мѣста для скитанiя въ далекомъ Тунисѣ, такъ понятны намъ, сидящимъ вотъ уже который годъ на уложенныхъ чмо-днахъ.

Посмертный рассказъ Аркадія Аверченко („Зайчикъ на стѣнѣ“), сочетающій тонкій юморъ большого художника съ трогательной нѣжностью и бережностью въ обрисовкѣ маленькой дѣвочки заставляетъ насъ искренне скорбѣть о томъ, что неумолимая смѣръ такъ рано унесла отъ насъ автора...

Лирическая „Поэма конца“ Марины Цвѣтаевой при поразительномъ богатствѣ и разнообразіи ритмовъ, соотвѣтствующемъ внутреннему содержанію произведенiя, почти афористической сжатости формы, доведенной мѣстами до формулы (какая любовь къ подлинному значенію слова!) является исключительно музыкальнымъ, прекрасно сѣоркестрованнымъ произведеніемъ талантливой поэтессы.

Въ Сборникѣ имѣется еще отрывокъ воспоминанiй Д. Крачковскаго (Сибирь), Вал. Булгакова (Замолчанное о Толстомъ), отличный переводъ С. Савинова изъ От. Бржезины — одного изъ интереснѣйшихъ чешскихъ поэтовъ — мыслителей и стихи С. Маковского.

Отличный подборъ матеріала, насыщенность сравнительно небольшой книжки содержаніемъ, дѣлаетъ ее цѣннымъ вкладомъ въ русскую зарубежную литературу. Неприятное впечатлѣніе оставляетъ только нѣкоторая небрежность изданiя обычно безукоризненнаго „Пламени“ (много опечатокъ въ текстѣ, пропускъ автора въ оглавленіи), что, впрочемъ, искупается сравнительно дешевой цѣной сборника.

А. Рудинъ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

В. Романовскаго

РИГА, Вальдемар 17, тел. 46-70.

Книги по всѣмъ отраслямъ знанiй.

Регулярное поступленіе всѣхъ новинокъ. Большой выборъ книгъ довоенныхъ изданiй.

При магазинѣ постоянная выставка картинъ.

Отъ редакціи

Въ Рождественскомъ номерѣ (7—8) подъ цвѣтными репродукціями А. Дюрера — Рождество Христово и Бартоломео Мурильо — Отдыхъ на пути въ Египетъ подписи ошибочно помѣщены одна на мѣсто другой.

Въ статьѣ Н. И. Мишеева — „Богоматерь и Св. Младенецъ въ искусствѣ“ вкралась досадная опечатка: стр. 164 сверху, 3 строка — читай „икону“ вмѣсто „школу“ и стр. 167, снизу 16 строка — надо „перловъ“ вмѣсто „первыхъ“.

ИВ. БУНИНЪ

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

Темный ельникъ снѣгами, какъ мѣхомъ,
Опушили сѣдые морозы,
Въ блесткахъ инея, точно въ алмазахъ,
Задремали, склонившись. березы.

Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяцъ глядитъ съ небосклона.

Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ,
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,
И причудливо стелется тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.

Замело чащи лѣса мятелю, —
Только вьются слѣды и дорожки,
Убѣгая межъ сосенъ и елокъ,
Межъ березокъ до ветхой сторожки.

Убаюкала вьюга сѣдая
Дикой пѣснею лѣсъ опустѣлый,
И заснулъ онъ, засыпанный вьюгой,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.

Спятъ таинственно стройныя чащи,
Спятъ, одѣтыя снѣгомъ глубокимъ,
И поляны, и лугъ, и овраги,
Гдѣ когда-то шумѣли потоки.

Тишина, — даже вѣтка не хрустнетъ!
А, быть можетъ, за этимъ оврагомъ
Пробирается волкъ по сугробамъ
Осторожнымъ и вкрадчивымъ шагомъ.

Тишина, — а, быть можетъ, онъ близко...
И стою я, исполненъ тревоги,
И гляжу напряженно на чащи,
На слѣды и кусты вдоль дороги.

Въ дальнихъ чашахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры сплетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ будто звѣрки пробѣгаютъ.

Огонекъ изъ лѣсной караулки
Осторожно и робко мерцаетъ,
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И чего-то въ тиши поджидаетъ.

Бриллиантомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокъ, у трона Господня,
Тихо блещетъ звѣзда, какъ живая.

А надъ лѣсомъ все выше и выше
Всходитъ мѣсяцъ, — и въ дивномъ покое
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное!

Ив. Бунинъ

МАЛЬЧИКЪ У ХРИСТА НА ЕЛКѢ

Это случилось наканунѣ Рождества, въ какомъ-то огромномъ городѣ и въ ужасный морозъ.

Мальчикъ, еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе, проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой вмѣсто подушки лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два дня тому назадъ, въ полицію; жильцы разбрелись, дѣло праздничное, а оставшіяся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушенка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоявъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъдохнулъ на свои пальчики, чтобы отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху,

на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется — никого, всѣ затворяются по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было зато такъ тепло, и ему давали кушать, а здѣсь — Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ, и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ о камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и, Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобы не замѣтить мальчика.

Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ...

Вотъ и опять улица, — охъ какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, а свѣту-то, свѣту-то! А это что! Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка: это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, и кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красныя, ужъ не сгибаются, и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять

видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатые барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входятъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе, сунула ему въ руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался. А копеечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй-поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжить, бѣжить и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что жъ это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платья и совсѣмъ-совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичекъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ, — только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что они живые, а какъ догадался совсѣмъ, что это куклолки — вдругъ разсмѣлся. Никогда онъ не видалъ такихъ куклолокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно-смѣшно на куклолокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой, злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузь, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ наземь; тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать, бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно“.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страха, и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ

весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть. „Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куклолокъ“, подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совсѣмъ какъ живыя!..“ И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо!“

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ, — прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она: кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и.. и вдругъ, — о, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ, и кругомъ все куклолки, — но, нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, не-

сутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! кричитъ ей мальчикъ и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему рассказать имъ поскорѣе про тѣхъ куклолокъ за стекломъ. — Кто вы, дѣвочки? — спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это „Христова елка“, — отвѣчаютъ они ему. — У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки... И узналъ онъ, что мальчики это и дѣвочки всѣ были все такіе же какъ онъ дѣти, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ Самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же въ сторонкѣ и плачутъ; каждая узнаетъ мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрасиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его: оба свидѣлись у Господа Бога на небѣ. Ю. М. Достоевскій

... и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами...

КРАСАВИЦА ЕЛКА

(Сказочка)

На пригоркѣ, въ лѣсу — красивая поляна, окруженная стѣною стройныхъ лохматыхъ елей, между которыми мѣстами проглядываютъ кудрявыя бѣлоствольныя березки; а по самой опушкѣ, кое-гдѣ выбѣгая даже на самую поляну, приютились красивые кусты калины и перистолистные рябины.

Вдоль одного края поляны, журча, бѣжитъ ручей, разбивая свои чистыя, холодныя струи о крупные камни, которыми почти сплошь устѣяно его ложе.

Среди поляны, между крупными, поросшими мохомъ, камнями — видимо когда-то и кѣмъ-то собранными здѣсь въ одно мѣсто — стоитъ роскошная густовѣтвистая елка, высоко поднимающая свою остроконечную вершину надъ окружающимъ поляну лѣсомъ. Длинныя нижнія вѣтви ея красиво свѣшиваются книзу, и концы ихъ широкими лапами лежатъ на зеленомъ коврѣ поляны. Прекрасная вѣчно-зеленая пирамида!

Особенно хороша бываетъ она весной, съ конца мая до половины іюня, когда ея молоденькіе желтовато-зеленые побѣги, во множествѣ появившіеся изъ почекъ на кончикахъ вѣтвей, украшаютъ ее пестрымъ, крапчатымъ весеннимъ нарядомъ. Какъ весело заливается въ это время на ея пестрыхъ вѣткахъ звонкоголосый зябликъ! Какъ любитъ ее тогда пестрогрудый пѣвчій дроздъ, каждую утреннюю и вечернюю зарю прилетающій на ея вершину выливать свою маленькую музыкальную душу въ чудесной, далеко по лѣсу раздающейся пѣснѣ!

А какъ хороша она — эта елка — въ морозный зимній день, разукрашенная снѣгомъ и инеемъ! Освѣтитъ ли ее, въ такомъ нарядѣ, своими розоватыми лучами зимнее солнце, обольетъ ли своимъ серебристо-зеленоватымъ свѣтомъ яркій мѣсяцъ — только любоваться тогда на нее — величественную лѣсную красавицу!

Не только люди, случайно проходящіе черезъ поляну, на которой растетъ наша

елка, невольно останавливаются полюбоваться не нее, но ею любятъ также и ея менѣе красивыя сестры-елки, растущія вокругъ поляны. (Они выросли стѣснившись, а потому и не могли такъ роскошно раскинуть на всѣ стороны свои вѣтви, какъ ихъ счастливая сестра, выросшая на просторѣ, одна среди поляны). Про птичекъ уже и говорить нечего: не только свои, изъ ближайшей лѣсной окрестности, но даже и совсѣмъ чужія — пролетныя изъ дальнихъ странъ — не пропускаютъ случая, хоть на минутку, мимолетомъ, покачаться на остроконечной вершинкѣ, съ которой такъ далеко видно во всѣ стороны.

Но особенная, трогательная дружба существуетъ у нашей красавицы съ одной маленькой совушкой. Днемъ совушка спитъ на елкѣ, прижавшись вплотную къ стволу, подъ покровомъ густыхъ вѣтвей, а по вечерамъ и ночамъ, утомившись на охотѣ за мышатами и жуками, прилетаетъ отдыхать на вѣтку къ своей подругѣ и ведетъ съ нею тихую бесѣду. О чемъ, о чемъ только не бесѣдуютъ пріятельницы! Совушка больше рассказываетъ про свои ночныя охоты и про разныя приключенія, случившіяся съ нею во время этихъ охотъ. Елка же передаетъ ей о томъ, что происходитъ въ лѣсу днемъ, пока совушка спитъ; или же рассказываетъ ей интересныя вещи о далекихъ странахъ, гдѣ никогда не бываетъ зимы и круглый годъ цвѣтутъ розы, — рассказы, слушанные ею отъ перелетныхъ птицъ, когда онѣ сажались отдыхать на ея вѣткахъ.

Въ одну изъ тихихъ лѣтнихъ ночей, когда небо сверкало тысячами огней, совушка, по обыкновенію, утомившись послѣ своей охоты (во время которой ей удалось поймать жирнаго мышенка и плотно покушать), устѣлась отдыхать на свое любимое мѣстечко на елкѣ и обратилась къ своей подругѣ со слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, сколько уже лѣтъ продолжается наша дружба; чего-чего только мы съ тобой ни переговорили, милая елочка,

а до сихъ поръ ты мнѣ никогда еще ничего не рассказывала изъ своего прошлаго. Какъ ты сюда попала? Давно ли здѣсь растешь? Расскажи мнѣ, моя красавица!

— Изволь, милая совинька, если это тебя такъ интересуеъ.

Елка на минуту задумалась, какъ бы припоминая давно прошедшія времена, и затѣмъ начала:

— «Давно, очень давно — лѣтъ сто тому назадъ, когда не только тебя, но даже твоей бабушки и пробабушки не было еще на свѣтѣ — вѣтеръ занесъ маленькое крылатое сѣмячко сюда, между камнями, среди которыхъ я теперь стою. (Камни эти, какъ я потомъ узнала, натаскалъ со всей этой поляны одинъ мужичекъ, который каждое лѣто, послѣ Петрова дня, являлся сюда косить траву. И теперь еще внуки его каждое лѣто косятъ здѣсь сѣно). Попавъ въ сырой, укромный уголокъ между камнями, сѣмячко это, пригрѣтое солнышкомъ, дало черезъ 6 недѣль ростокъ, изъ котораго и выросла твоя «покорнѣйшая слуга»... Вмѣстѣ со мной появилось на свѣтѣ еще много другихъ такихъ же крошечныхъ елочекъ, изъ тѣхъ сѣмянъ, которыя занесъ вѣтеръ отъ окружающихъ поляну старыхъ елокъ и разсѣялъ ихъ по всей полянѣ. Но имъ не долго суждено было прожить на Божьемъ свѣтѣ: на слѣ-

дующій же годъ, когда онѣ уже вершка на полтора поднялись отъ земли, ихъ скосила острая коса... Уцѣлѣла только я одна, между моими камнями, которыхъ коса боится. Въ первые годы моей жизни я росла очень медленно, едва на вершокъ прибавляясь ежегодно въ ростѣ. Трудно приходилось мнѣ подчасъ въ мои младенческіе годы: то морозъ чуть совсѣмъ не выжималъ меня изъ земли, такъ что мнѣ лишь съ большимъ трудомъ удавалось снова укрѣпить на землѣ свои корешки, то несносная выскочка-травя тѣснила меня, точно ей мало было мѣста на просторной полянѣ; то, бывало, цѣлыми недѣлями не выпадетъ ни одной капельки дождя, такъ что даже мои зеленые иголки начинали отъ засухи желтѣть и осыпаться. Все это, однако, слава Богу, мнѣ удалось перенести благополучно. Съ 15-ти лѣтъ я начала быстро подниматься кверху, а въ 20 лѣтъ была уже хорошенькой елочкой, сажени въ полторы вышиной, такъ что меня чуть не срубили тогда люди на рождественскую елку, потому что я была очень красива, да спосибо все тѣмъ же моимъ защитникамъ — камнямъ, среди которыхъ я выросла: благодаря имъ, ко мнѣ не такъ-то легко было подступиться. Когда мнѣ исполнилось лѣтъ 25-30 (въ точности теперь уже не припомню), я въ первый разъ зацвѣла

В. В. Переплетчиковъ

„За елками“

и принесла плоды — шишки, наполненные сѣменами, которые и продолжаю съ тѣхъ поръ приносить ежегодно. Особенно много бываетъ у меня сѣмянъ черезъ каждые 5-6 лѣтъ. Впрочемъ и не стоило бы очень стараться, — развѣ только для моихъ маленькихъ друзей-клестовъ, синичекъ да бѣлокъ — которые такъ любятъ лакомиться моими сѣменами. Я говорю: не стоило бы стараться, потому что изъ всѣхъ моихъ сѣмянъ, которыя я обильно сѣю вокругъ себя на полянѣ, вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ, до сихъ поръ не выросло ни одного деревца: едва они успѣютъ подняться отъ земли, какъ всѣхъ ихъ скашиваютъ своей острой косой безжалостные люди; такъ что, несмотря на мой столѣтній возрастъ, я до сихъ поръ не испытала счастья видѣть взрослыхъ своихъ дѣтокъ»...

Красавица-елка глубоко и грустно вздохнула...

— «Можетъ быть, ты пожелаешь также знать, кто меня поить и кормить? Изволь, я тебѣ и это скажу. Поятъ и кормятъ меня мои вѣрные слуги — корни. Они пускаютъ отъ себя во всѣ стороны множество крошечныхъ корешковъ-мочекъ, которые неустанно сосутъ изъ земли и посылаютъ ко мнѣ питательную влагу. Кромѣ корней, меня кормятъ также и мои неизмѣнныя, никогда не покидающія меня зеленныя иголки, которыми такъ густо усыпаны мои вѣтки. Иголки эти добываютъ мнѣ пищу изъ воздуха.

— «И такъ-то, вотъ, моя милая совишка, прожила я на бѣломъ свѣтѣ уже цѣлую сотню лѣтъ, и если никакой особенной напасти не случится, проживу, Богъ дастъ, и еще сотню, другую, а тамъ... Всему живущему на свѣтѣ положенъ предѣлъ»...

Красавица замолчала и снова глубоко вздохнула. Совушка также вздохнула и задумалась. Должно быть, послѣднія слова подруги навели и ее на грустныя мысли — о бренности всего земного...

— «Однако, моя милая подруженька, востокъ начинаетъ уже блѣднѣть, а я не успѣла еще и вздремнуть. Лети-ка ты, въ добрый часъ, на свою охоту; вѣдь баснями, говорятъ, соловей (а совишка и подавно!) сытъ не будетъ, — а я, тѣмъ временемъ, вздремну немножко.

.....

Черезъ два часа, когда совсѣмъ уже разсвѣло, елка проснулась. Совушка спала на своемъ суку, плотно прижавшись къ стволу и закрывъ головку подъ крыло.

Красавица-елка умылась росой, обильно покрывшей на зарѣ ея вѣтки; осушилась утреннимъ вѣтеркомъ, потянувшимъ съ востока; величественно качнула нѣсколько разъ своей вершиной, какъ бы здороваясь со своими сестрами-елями, окружавшими поляну, и, обернувшись къ востоку, вспыхнула радостнымъ румянцемъ, подъ упавшими на нее первыми розовыми лучами восходящаго солнца...

Содержаніе слѣдующаго № 10 (№ 2/1926) номера:

Стихи В. Ф. Ходасевича. Разказы: Мих. Осоргинъ — Милое имя Наташа (окончаніе),
Ив. Шмелевъ — Въ ударномъ порядкѣ (продолженіе), Н. Хоревой — Старый Артемъ,
П. Кожевниковъ — Изъ цикла „Городское“, проф. Н. И. Мишеевъ — М. Добужинскій.
Репродукціи картинъ и рисунковъ М. Добужинскаго, двѣ въ краскахъ. Отдѣлы: „Дѣтскій
уголокъ“. „Искусство“. „Русская книга“. „По бѣлу свѣту“. „Изъ области науки, открытій
и изобрѣтеній“

Ред. худ. части: А. Прандъ.

Отв. ред.: С. А. Бѣлоцвѣтовъ.

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсянныя хлопья

„MILLENIUM“

Главное мѣсто продани у К. А. БУШЪ и П. БАУМАНЪ, Господская ул. 23. Тел. 26-92.

Лучшій Рождественскій подарокъ

остается всегда **знаменитый фарфоръ** остается всегда

ЧАШКИ **ВАЗЫ**

Самый большой выборъ у **А. Г. ХАТКЕВИЧЪ**

Сущ. съ 1885 г.

Бл. Песочная ул. № 24, телеф. 66-72

Сущ. съ 1885 г.

ТЕАТРЪ - ВАРЬЕТЕ **„МАРИНЭ“**

дир. Ф. Э. Кару.

НОВАЯ ПРОГРАММА
::: НОВОЕ REVUE :::

ЦИНКОГРАФИЯ
„Трафика“

Тел. 56-93. Мл. Сборная 1.

Изготовление всякаго рода клише.
Быстро, аккуратно и художественно.

P. S. При заказахъ просимъ обращаться
за смѣтами.

Садоводство

Питомники.

„ВАРИНО“

И. Добровольскаго въ Ригѣ.

Jelgavas šosejā 78. Тел. 58-19.

Богатый выборъ различныхъ сортовъ хорошихъ, крѣпкихъ,
плодовыхъ деревьевъ, кустовъ, розъ, цвѣтовъ, луко-
вицъ, гiацинтовъ, тюльпановъ, нарцисовъ.

***Здѣсь можно также получить
лучшія сѣмена овощей.***

Сообщеніе трамваемъ № 7 и автобусомъ Торенсбергъ — бул. Свободы
— линія Почты. Остановка автобусовъ у садоводства.

Безусловно
И внѣ сомнѣній, въ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

6 годъ изд. Поступила въ продажу 26-ая книга журнала

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

издаваемого при ближайшемъ уч.: Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева. Содержание: 1) Л. Н. Толстой „Казакъ“. 2) И. А. Бунинъ — „Цикады“. 3) И. С. Шмелевъ — „На Пенькахъ“. 4) А. М. Ремизовъ — „Труддесертирь“. По „бѣдовому декрету“. 5) Б. К. Зайцевъ — „Алексѣй Божій человекъ“. 6-8) Стихотворенія А. Герцыкъ, В. Ходасевича, Н. Оцупа. 9) Д. С. Мережковский — 1925—1825. 10) М. А. Алдановъ — Декабристы и Сперанскій. 11) М. О. Цетлинъ — О 14-омъ декабря. 12) М. И. Цвѣтаева — Мои службы. 13) П. П. Муратовъ — Кинематографъ. 14) Ф. А. Степунъ — Литературныя замѣтки („Тонкій и чуткій“ г-нъ Воронскій). 15) К. Р. Кочаровскій — Будущее общины. 16) Е. Д. Кускова — Объ утопяхъ, реальностяхъ и загадкахъ. 17) М. В. Вишнякъ — На родинѣ и на чужбинѣ (Пятилѣтніе итоги). 18) В. И. Талинъ — Господинъ Урожай — Культура и Жизнь. 19) В. Ф. Ходасевичъ — Пролетарскіе поэты. 20) Ст. Ивановичъ — О резервахъ социализма. 21) Г. Д. Гурвичъ — Большевиизмъ и и замиреніе Европы. 22) Критическія и библиографическія статьи и замѣтки Ф. Степуна, Ст. Ивановича, Кн. Д. Святополкъ-Мирскаго, А. А. Кизеветтора, Г. Д. Гурвича, И. П. Демидова, В. В. Руднева, Е. Д. Кусковой, Д. М. Одица, В. Ф. М. 23) Указатель къ напечатанному въ ном. 1-26 Современ. Записокъ за пятилѣтіе 1920—1925 г.

Цѣна книги — 20 фравковъ, 1 амер. долл., 34 чеш. кроны. Адресъ Редакціи и Конторы: 9-bis, rue Vineuse, Paris (16) Главный складъ: „Plamja“—Praha, Jesna 32, Tschécoslovaquie. Представительство въ Германіи: „Rodina“, Berlin, W. 50, Regensburgerstrasse 13. Представительство во Франціи: „La Source“, 9-bis, rue Vineuse, Paris (16). Tel. Passy 39-61.

Единственный въ Ригѣ teatrs **RADIO** Cafe

бульв. Свободы № 2/4

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообразная
программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9½ час. веч.

Оригинальная новость. Танцовщицы Радио-балета, танцующая въ публикѣ модн. танцы, приглашаютъ кавалеровъ.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Большой выборъ

элегантныхъ
мѣховыхъ
шапокъ
для
взрослыхъ
и
дѣтей.

Обувь

Прочная

Элегантн.

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33

Виндава: Замковая ул. 24

Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г. — золотая медаль

Принимается подписка на 1926 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
За границу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.
Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.
Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.
Въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Наталин и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

А. Ратфельдеръ

Съдельный мастеръ бывш. И. Парлумъ, осп. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

**Дорожные, спортивные и
военныя принадлежности.**

Постоянно большой выборъ изъ собств.
мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.

Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. вулкан Фибры.

Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшки.

Портфели. Бумажники. Ранцы.

Англ. военные ремни.

Гетры — стелки — футболы — бутсы.

Шпоры и петлицы оптомъ и въ роз-
ницу а. т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣрѣ.

==== **Послѣдняя** ====

мода въ дамскихъ сумкахъ.

Поступилъ въ продажу иллюстрированный Русскій Календарь - справочникъ на 1926 г.

Цѣна Ls. 1.—

Цѣна Ls. 1.—

**Имѣется въ продажѣ во всѣхъ
книжныхъ магазинахъ.**

Въ Двинскѣ: у Трейзона и книжн. маг. „Лета“.

Въ Рѣжицѣ: у Колосова и книжн. маг. „Лета“.

**Во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ
„ЛЕТА“.**

Календарь высылается по почтѣ по полученіи стои-
мости почтовыми марками.

Съ заказами обращаться:

**Рига, ул. Вальдемара 17, тел. 46-70
книжн. маг. В. Романовскаго.**

JAVOL

ОБЩЕПРИЗНАННАЯ

ВОДА для ВОЛОСЪ.

Генеральный представитель **Пров. С. Блумъ,**
Рига, Церковная ул. 31.

Акц. О-во Мебельн. и паркетн. фабрики «КОМПЛЕКСЪ»

Улица Свободы 82. Телефонъ 92-67.

**Быстрое исполненіе заказовъ по новѣйшимъ рисункамъ какъ своимъ, такъ и спеціальнымъ.
На складѣ: Салоны стиля Ампиръ, Рококко. Столовые, спальни и кабинеты.**

Допускается разсрочка.

Chlorodont

**Міровая марка для зубной пасты,
элексира и порошка.**

Въ употребленіи миллионами.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)
наивысшій по качеству и превосходный по аромату.